

Часть 1

Английские королевства (607—1013)

Глава I

Британия и Англия

Отечество английского племени находится очень далеко от самой Англии. В V в. после Р. Х. страна под названием Англия (of Angela or the Engeland) лежала в нынешнем Шлезвигском округе, т. е. в середине полуострова, отделяющего Балтийское море от Северного. Прекрасные пастбища, усадьбы из строевого леса, красивые маленькие города, отражающиеся в пурпурных водах заливов, — все это было тогда не более как песчаной равниной, опоясанной по краям мрачными, не пропускавшими солнечного света лесами и пересекавшейся там и сям лугами, которые сливались незаметно с болотами и морем. Жители этого округа были, по-видимому, только отпрыском племени, называемого англами, или английским народом, главная часть которого занимала, вероятно, местность между средним течением Эльбы и Везера. К северу от шлезвигского отпрыска англосов находилось другое родственное им племя — юты, имя которого сохранилось до сих пор в названии области Ютландии, а к югу от него жили различные германские племена, занимавшие место между Эльбой и Эмсом, а также растянувшиеся далеко за Эмс до Рейна и составлявшие один народ саксов. Англы, юты и саксы принадлежали к одной и той же нижнегерманской ветви тевтонской расы, и в момент вступления их на историческое поприще мы видим их связанными друг с другом узами общего происхождения, одинакового языка, одинаковых социальных и политических учреждений. Каждому из этих племен выпало на долю участвовать в завоевании нашей страны, и когда это завоевание стало свершившимся фактом, то от слияния всех трех племен и произошел английский народ.

О нравах и образе жизни народов этой древней Англии мы знаем весьма немного, но, судя по имеющимся данным, относящимся к эпохе их появления в Британии, надо думать, что их политическая и социальная организация должна была быть такой же, как и у всех народов германской расы, к

Часть 1

которой они принадлежали. Основой их общества был «свободный человек». Он один был «человеком свободной выи», длинные волосы которого развивались по шее, никогда не склонявшейся перед господином; он один был и «вооруженным человеком», носившим копье и меч и сохранявшим право возмездия, или личной войны, — право, бывшее при таком состоянии общества хоть некоторой уздой, сдерживавшей полный произвол.

У англов, как и у всех других народов, правосудие развилось из личных действий каждого члена племени. Было время, когда каждый «свободный человек» являлся и своим собственным мстителем, но даже в самых древних формах английского общества это право самозащиты изменялось под влиянием все более и более развивавшегося понятия об общественном правосудии. «Пеня крови», или денежное вознаграждение за личную обиду, была первой попыткой племени урегулировать частную месть. При этой системе жизнь и каждая часть тела свободного человека были оценены. Око за око или соответствующее справедливое за него вознаграждение — так гласил грубый кодекс обычного права. Дальнейший шаг в том же направлении мы усматриваем и в другом очень древнем обычае. Цену жизни или члена тела уплачивал не преступник пострадавшему, а семейство или дом преступника семейству или дому пострадавшего. Таким образом, закон и порядок основывались здесь на понятии о родстве по крови всех семейств племени; установился взгляд, что совершенное преступление было совершено всеми родственными по крови преступнику людьми и против всех родственников пострадавшего, и из этого-то взгляда развились первые грубые формы английской юстиции. Каждый родственник был как бы опекуном над родственником, обязан был защищать его от обид, препятствовать ему самому совершать преступления, ответственность и платить за него, если преступление было совершено. Этот принцип признавался настолько, что если кого-нибудь обвиняли в совершении преступления даже перед целым племенем, то единственными его судьями оставались все-таки его родичи, ибо обвинительный или оправдательный приговор постановлялся лишь после их торжественной клятвы в подтверждение его вины или невинности.

Родственные связи дали формы не только английскому суду, но также и всей военной и социальной организации древнеанглийского общества. Родичи дрались на поле сражения рядом, и чувство чести и дисциплины, связывавшее все войско в одно целое, исходило из чувства долга каждого члена небольшой группы воинов по отношению к их семьям. Как они бились бок о бок на войне, так они и жили бок о бок во время мира. Гарлинг жил рядом с Гарлингом, Биллинг рядом с Биллингом, и каждое селение

Английские королевства (607–1013)

(wick), город (tun, town), жилище (ham, home) или усадьба (stead) назывались по имени живших в них родственников. Таким образом, ham Биллингов назывался Биллингамом и tun, или town, Гарлингов — Гарлингтоном. В таких поселениях узы крови преобразовывались в более широкие — поземельные связи. У германской расы с очень давнего времени гражданское полноправие, по-видимому, соединялось с владением землей. Свободным человеком был, собственно говоря, только свободный владелец — фригольдер, и полноправность его в общине, к которой он принадлежал, была нераздельна с его владением землей в общине. Безземельный человек фактически переставал быть свободным, хотя он и не становился от этого ничьим рабом. В самых ранних исторических периодах мы видим германскую расу как расу земледельцев и землевладельцев. Тацит, первый римлянин, познакомившийся с теми, кому суждено было завоевать Рим, описывает их как людей, пасших стада скота в лесных долинах вокруг их деревень и обрабатывавших свои поля. Главными чертами, поразившими Тацита и резко отделявшими германцев от цивилизованного мира, к которому принадлежал автор описания, были их ненависть к городам и ревнивая любовь к независимости: «Они живут каждый сам по себе, — говорит этот писатель, — в лесах, долинах или возле свежих источников, избираемых каждым по своему усмотрению». И как каждый обитатель селения ревниво оберегал свою независимость от односельчан, так и каждое селение сохраняло свою самостоятельность по отношению к другим селениям. Каждая маленькая земледельческая община имела свою особенную границу — марку (mark), состоявшую из леса, пустоши или болота, которой она отделялась от другой общины. Землей, составлявшей такие границы, никто из членов общины не имел права пользоваться для личных целей, но она иногда служила местом казни преступников и потому считалась специальным обиталищем злых духов и душ умерших, бродивших там в виде блуждающих огоньков (will-o'-the-wisp). Если чужестранец проходил через этот лес или эту пустошь, то обычай требовал, чтобы он трубил в трубу, иначе он считался врагом и всякий имел законное право его убить. Город — поселение тогда называлось от слова tun — был окружен грубым валом и рвом, служившими готовой крепостью во время войны с внешним врагом; во время же внутренних усобиц между деревнями, или усадьбами, эти же укрепления играли роль траншей. С самых ранних периодов исторической жизни мы находим здесь уже ясно выраженное различие в положении двух классов населения: большинство усадеб принадлежало свободным людям — кэрлам, но были усадьбы побогаче, принадлежавшие эрлам, т. е. людям, отличавшимся благородством происхожде-

Часть 1

ния, пользовавшимся особым наследственным уважением, людям, из среды которых выбирались преимущественно предводители в военное и правители в мирное время; выборы эти были однако совершенно добровольными, и человек «благородной крови» не пользовался никакими установленными законом привилегиями среди своих сограждан. Владения свободных людей были расположены вокруг так называемого moot-hill — места, отведенного для народного веча, или около священного дерева, вокруг которого собиралась вся община для обсуждения хозяйственных дел и установления новых законов. Здесь делились между членами общины луга и пахотная земля, переходили из рук в руки поля и усадьбы, улаживались распри между земледельцами согласно обычаям, изъясняемым здесь же старейшинами, осуждались и наказывались преступники и их родственники; здесь выбирались те, кто должен был сопровождать предводителя, или эльдормена, в собрание сотни или на войну. С тем самым чувством, с каким смотрим мы на источник могущественной реки, созерцаем мы умственно и эти крошечные собрания, на которые стекался деревенский сход для управления деревенской жизнью и рассмотрения деревенских дел, совершенно так же, как их потомки, люди позднейшей эпохи, собираются в парламент в Вестминстере, дабы издавать там законы и отправлять правосудие в великом королевстве, выросшем из кучки земледельческих общин в Шлезвиге.

Религия англов была та же самая, как и у всех остальных германских племен. Уже торжествовавшее в эту эпоху в Римской империи христианство не проникло еще в леса севера. Названия наших дней недели напоминают до сих пор названия божеств, которым поклонялись наши предки. Среда (Wednesday) — это день Одина (Woden), бога войны, охранителя дорог и границ, изобретателя письменности, общего божества всего победоносного народа, каждое племя которого считало его родоначальником своих королей. Четверг (Thursday) — день Тундера, или, как северяне называли его, Тора, бога воздуха, грома, бури и дождя. Пятница (Friday) — день Фрей, богини мира, радости и всякого плодородия; символы этой богини, носившиеся на руках танцующими девушками, приносили изобилие каждому полю и каждой конюшне, которые они посещали. Суббота (Saturday) напоминает нам о таинственном боге Сеттере, а Вторник (Tuesday) — о мрачном боге Тиу, встреча с которым влекла за собой смерть. В названии христианского праздника Воскресения (Easter) сохранилось имя Эостры, богини зари и весны, а в названии рока, или судьбы (Weird), долго сохранявшегося северного суеверия, имя Wyrd, — богини смерти, или «девы щитов», могущественной женщины, которая, как гласит старинная

Английские королевства (607–1013)

песнь, «оттачивает для битвы оружие и направляет свистящие дротики». Еще более близкими для народной фантазии были божества лесов и рек или герои легенд и саг: Nícoḡ — «дух воды», переживший себя в Níxies (водных) и в «Старом Нике» (Old Nícu — Сатана); Уэланд, ковавший тяжелые щиты и острые мечи, — память о нем удержалась в беркширском «кузнице Уэланде»; а название города Эйлсбери сохраняет в себе последние следы предания о брате Уэланда, «стрелке солнца», — Эджиле. От всей этой массы древних суеверий и поэтических воззрений на природу остались лишь следы в некоторых названиях, серых надмогильных памятниках да в отрывках старых песен, и это обстоятельство указывает на то, насколько непрочно укоренились эти верования в народной жизни.

Прежде чем начать нашу историю, мы должны перенестись из Шлезвига и с берегов Северного моря в страну, столь дорогую теперь каждому англичанину, но в которую не ступала до тех пор английская нога. Остров Британия был в течение почти 400 лет провинцией Римской империи. Высадка Юлия Цезаря (55 г. до Р. Х.) открыла этот остров римскому миру, но прошло около столетия, прежде чем император Клавдий попытался окончательно подчинить его своей власти. Победы Юлия Агриколы (78–84 гг. по Р. Х.) отодвинули границу римского владычества в Британии до устьев Форты и Клайда, куда вслед за римским мечом продвигалась и римская цивилизация. Население группировалось в таких городах, как Йорк и Линкольн, управляемых своими собственными муниципальными чиновниками, защищенных массивными стенами и соединенных между собой сетью дорог, тянувшихся от одного конца острова до другого. В городах, подобных Лондону, возникла торговля, а земледелие достигло такой степени процветания, что Британия была в состоянии удовлетворять потребности в хлебе даже Gallii. Минеральные богатства острова разрабатывались в оловянных рудниках Корнваллиса, в свинцовых Сомерсета и Нортумберленда и в железных Динского леса. Богатства острова быстро возросли за несколько столетий нерушимого мира; но те самые причины, которые подтачивали силы Римской империи, должны были повлиять и на ее британскую провинцию. Здесь, как и в Италии, и в Gallii, население, вероятно, опускалось материально и духовно — по мере того, как имения землевладельцев увеличивались, а земледельцы превращались в крепостных, хижины которых группировались вокруг роскошных резиденций их властелинов. Разрабатываемые принудительным трудом рудники сделались источниками бесконечного гнета. Города и селения были одинаково задавлены тяжелыми налогами, а промышленность опутана сетью таких законов, которые быстро придали организации ремесел наследственно-цеховой характер.

Часть 1

Сверх того, чисто деспотическая система римского правительства подавляла всякую местную независимость, а вместе с ней и всякое сопротивление. Люди забывают, что значит борьба за отечество, если они забывают, что значит самоуправление.

Такие причины разложения были общи для всех провинций империи, но были и другие, действовавшие только в Британии и зависевшие от ее исключительного положения. Остров ослабел от внутренних несогласий, явившихся результатом особенного характера его цивилизации. Дело в том, что побежденные бритты были романизованы только в городах, сельское же население осталось в стороне от римского влияния — говорило на своем родном языке и даже удержало свои туземные обычаи. Употребление латинского языка можно было рассматривать, как мерило римской цивилизации; но тогда как в Испании и Галлии латинский язык совершенно вытеснил языки побежденных народов, в Британии употребление его ограничивалось горожанами да богатыми землевладельцами, жившими вне городов. Но опасность, происходившая от такого положения вещей, особенно дала себя знать лишь тогда, когда у бриттов появился новый враг с севера. Слабость провинции и надежда на хорошую добычу возбудили к нападению на бриттов непокоренных римлянами пиктов, которые и проникали в самый центр острова; такое предприятие пиктам было бы, конечно, не по силам, если бы они не встретили помощи в части самого бриттского населения, т. е. если бы борьба не велась между римлянами и романизованными бриттами с одной и пиктами и нероманизованными бриттами с другой стороны. Борьба эта продолжалась до тех пор, пока более близкая для римлян опасность не заставила империю отозвать свои легионы и предоставить Британию самой себе. В продолжение первых четырех столетий по Р. Х. цивилизованный мир этот счастливо справлялся с окружающими его со всех сторон варварами — парфянами со стороны Евфрата, нумидийцами со стороны африканских пустынь, германцами со стороны Дуная и Рейна. Разложение Римской империи сделало ее, наконец, почти неспособной к сопротивлению, и толпы диких варваров устремились на свою добычу. В западных провинциях Рима торжество нападавших было полным: франки победили и заселили Галлию, вестготы — Испанию, вандалы основали государство в Африке, бургунды расположились по Роне, наконец, остготы завладели самой Италией; в этот-то роковой для империи час саксы и англй устремились на наш остров.

В 410 г. Рим отозвал из Британии свои легионы для защиты Италии от готов. Предоставленная самой себе Британия храбро сражалась с осаждавшими ее пиктами, и ей удалось оттеснить своих врагов в их горы; новые

Английские королевства (607–1013)

набеги пиктов застали бриттов ослабленными внутренними раздорами и сделавшимися неспособными к общему согласному сопротивлению, жителям бывшей римской провинции стало не под силу бороться с пиктами, усилившимися в это время благодаря союзу с ирландскими разбойниками (так называемыми скоттами) и с еще более опасными пиратами — англами, давно уже грабившими берега Ла-Манша. Пример ли германских собратьев, двинувшихся из своих лесов на разлагающуюся империю, давление ли со стороны других племен или бесплодность обитаемой ими земли, так или иначе, но только в это время земледельцы, охотники и рыбаки различных английских племен двинулись к морю, и смелый дух их расы сразу обнаружился в стремительности их набегов, свирепости нападений, беззаботном веселье, с которым они брались и за меч, и весло: «Эти враги, — говорил один римский поэт того времени, — свирепее всех других наших врагов, и их хитрость равна их жестокости; море — их военная школа, буря — их друг, они — морские волки, живущие грабежом мира». Борьба против соединенных пиктов, скоттов и саксов своими собственными силами была невозможна для Британии, и осажденные прибегли к роковой тактике римлян, погубившей и самую империю, т. е. к системе натравливания одного варварского племени на другие. Правители Британии решили ослабить союз, переманив на свою сторону разбойников, опустошавших ее восточные берега, и противопоставить таким образом своих новых союзников нападавшим пиктам. Для этой цели при посредстве обычных обещаний надежда земель и платы в 449 г. была привлечена в Британию армия ютов с двумя начальниками — Генгестом и Горзой — во главе.

Глава II Английское завоевание (449–577)

Прибытием Генгеста и его воинов к Эббсфлиту на берегах острова Танета начинается собственно английская история, и нет места более священного для англичанина, нежели то, на которое впервые ступила английская нога. В самом Эббсфлите нет ничего, что могло бы сколько-нибудь очаровать взор путешественника: это небольшая возвышенность, по которой разбросаны там и сям серые коттеджи, отделенные теперь от моря лугами и плотиной. Тем не менее ландшафт не лишен некоторой своеобразной дикой красоты. Направо белый полукруг рамсгетских утесов возвышается над имеющим форму полумесяца Пегуэльским заливом, а налево через серые болота, где по дыму можно определить местоположение Рич-

боро и Сандвича, береговая линия незаметно заворачивает к новой линии утесов за Дилемм. Весь характер местности вполне подтверждает народное предание, указывающее на Эббсфлит, как на место высадки наших предков; физические перемены, происшедшие с тех пор, мало изменили общий характер этой местности. Легко догадаться, что пустынная равнина, называемая ныне Minster-Marsh, была некогда широкой полосой моря, отделявшей Танет от Британии, и через нее-то разбойничьи ладьи первых англо-в при попутном ветре достигали до песчаной отмели Эббсфлита. Укрепление Ричборо, разрушенные валы которого до сих пор возвышаются над серыми равнинами, служило обычной пристанью для путников из Галлии. Допустив, что в момент договора с бриттами разбойничьи ладьи крейсировали возле берегов Британии, легко понять, почему пираты высадились именно в Эббсфлите, почти под самыми стенами Ричборо; последующие события указывают, что выбор места для высадки был сделан вполне сознательно. Едва ли могло существовать взаимное доверие между бриттами и их наемными солдатами, и только в этом месте Генгест и его товарищи могли чувствовать себя в безопасности со стороны других пиратов, с одной стороны, и измены своих новых союзников — с другой; выбор места для высадки мог удовлетворить также и бриттов, опасавшихся — и, как доказали события, далеко не безосновательно, — что для отпора пиктам они ввели в Британию еще более страшного врага. И вот из предосторожности против своих опасных союзников бритты и оставили их в углу острова за морским каналом, защищенным самой сильной из их береговых крепостей. Необходимость таких предосторожностей была подтверждена распрями, начавшимися между союзниками, как только окончилось дело, для которого наемники были приглашены. Едва были рассеяны в одном большом сражении пикты, как уже бритты увидели опасность со стороны ютов. Численность последних, вероятно, быстро возрастала по мере того, как между их соплеменниками распространялись известия о водворении их в Британии, а вместе с возрастанием их численности, естественно, возрастали затруднения по снабжению новых пришельцев провизией и платой. Из-за такого рода вопросов быстро возникли раздоры, и Генгест грозил своим союзникам войной. Не совсем, однако, легко было и для Генгеста привести свою угрозу в исполнение, так как он был отрезан от суши морским проливом, становившимся проходимым лишь при отливе, и то по длинному и опасному броду; притом пролив был защищен крепостями Ричборо и Рекульвер. Канал Медуэй, окаймленный вельскими лесами с юга, защищал тыл, тогда как крепости, расположенные на тех местах, где ныне находятся города Кентерберри и Рочестер, защищали дорогу к Лондону. Тут же вокруг

Английские королевства (607–1013)

были расположены войска с графом Саксонского Берега, обязанные защищать берег от варваров. Невзирая на все эти затруднения, юты внезапно появились в Британии, и прежде чем бритты успели сосредоточить свои силы для сопротивления, их враги не только перешли пролив, но и захватили дорогу, ведущую к Лондону. По всей вероятности, сильно укрепленные стены Рочестера заставили ютов повернуть к югу и двинуться вдоль кряжа невысоких гор, образующих восточную границу Медуэйской долины. Страна, через которую они проходили, уже имела свою историю, но память о ней успела исчезнуть даже в те времена: склоны гор были кладбищем исчезнувшего племени, и между глыбами камней возвышались там и сям cromlechs — надгробные памятники и громадные курганы. Один из таких памятников существует и поныне под названием Kit's Coty House, а в те времена он соединялся целой аллеей из камней с кладбищем возле Аддингтона. С высокого пригорка у этого памятника увидели английские воины поле своего первого сражения; с этого пригорка прошли они по существующей до настоящего времени и извиающейся между мирными усадьбами проселочной дороге к броду, давшему свое имя маленькой деревушке Эльсфорду. Летописи победоносного народа умалчивают о том, что случилось до взятия брода, равно как и о самом сражении у этой деревушки. Они только упоминают, что Горза пал в битве в минуту победы, и сохранившаяся до наших дней куча из кремней — Horstead — с его именем считалась в позднейшие времена памятником над его могилой, древнейшим памятником той английской доблести, которая воздвигла себе в Вестминстере последний и благороднейший храм.

Эльсфордская победа не только отдала в руки победителей восточный Кент, но и сделалась первым шагом к полному завоеванию Британии. Последовавшая вслед за битвой резня указывала на неумолимость начавшейся борьбы. Более зажиточные кентские землевладельцы бежали в паническом страхе за море, жители бедных классов скрывались в горах и лесах, пока выгнанные оттуда голодом они не были вынуждены сдаться неприятелю для казни или рабства. Напрасно укрывались некоторые из них в стенах церквей: победители умерщвляли священников у самых алтарей — их ненависть обращалась более всего против духовенства, — поджигали церкви, и укрывшимся оставался выбор между пленением и безжалостной сталью врага. Такого рода картины резко отличают покорение Британии от покорения других римских провинций. Покорение Галлии франками и Италии лангобардами состояло в насильственном поселении победителей среди побежденных, которым после длинного ряда лет было суждено поглотить своих завоевателей: французский язык — язык не франка, но того гал-

ла, которого он покорил, а светлые волосы лангобарда почти исчезли из Ломбардии; не то — в Британии, где победители в течение полутора столетий продолжали вытеснять покоренный народ, и в громадной борьбе Рима с вторгнувшимися в него германскими племенами мы не находим другого примера такого упорного сопротивления врагу, как в Британии. Целых два столетия прошло прежде, чем бритты были окончательно покорены, и именно по причине этого упорства и этой неумолимости борьбы из всех завоеваний германцев завоевание Британии было полным и самым совершенным. Всюду, куда проникал меч англо-саксов, Британия превращалась в землю англо-саксов (Engeland) — Англию, страну англичан, а не бриттов. Возможно, что небольшая часть бриттов осталась на родине, хотя не иначе как в качестве рабов англо-саксов, и несколько их обиходных слов (если они не были внесены позднее) примешивались к английской речи; но такие сомнительные исключения не изменяют общего характера всей картины завоевания. Когда внутренние раздоры приостановили безостановочный до того времени прогрессивный ход английского завоевания, — а это случилось через полтора столетия после Эльсфордской битвы, — то бритты успели уже исчезнуть с половины принадлежавшей им территории, и язык, религия и законы английских завоевателей господствовали без соперников от Эссекса до Дербиширского пика и устья Северна и от Британского пролива до устья Форта.

Эльсфорд был, как сказано, первым шагом к покорению Британии. Об упорстве борьбы можно судить по тому, что для покорения одной Южной Британии потребовалось шестьдесят лет, а для покорения Кента — двадцать. Только после второго поражения при проходе Крэй бритты покинули Кент и в страхе бежали к Лондону, но и после того они снова возвратились, и лишь в 465 г. после ряда мелких стычек произошло решительное сражение при Уиннедсфлите. Здесь поражение было столь серьезным, что всякие надежды спасти большую часть Кента были потеряны, и только на южном берегу бритты удержали еще свои позиции. Восемь лет спустя борьба была окончена, и с падением Лаймна, разрушенные стены которого смотрят с холма на обширную площадь Ромнейского болота, дело первых английских завоевателей было окончено. Жажда грабежа привлекла вскоре новые воинственные отряды с германского берега. Новые шайки из саксонских племен, живших между Эльбой и Рейном, появились в 477 г. и пробились по полосе земли, лежащей к западу от Кента — между Уилдом и морем. Нигде физический вид страны не изменился так сильно, как здесь. Громадный пустырь из кустарников и мелколесья, известный под названием Андресовой пустоши, тянулся более чем на сто миль от границ Кента до

Английские королевства (607–1013)

Гемпширских степей, достигая к северу почти до Темзы и оставляя лишь на юге узенькую береговую полосу. Этот берег был защищен сильной крепостью, занимавшей то место, которое теперь называется Певэнси, место будущей высадки нормандского завоевателя. Падение крепости Андериды в 491 г. привело к возникновению королевства южных саксонцев (Сассекс): «Аэлла и Кисса осадили Андериду, — гласила безжалостная летопись завоевателей, — истребили всех жителей, так что там не осталось ни одного бритта». В это же время другое саксонское племя побеждало бриттов на другом краю Кента, к северу от устья Темзы, и основывало поселение восточных саксонцев, как впоследствии называли воинов этого племени, в долинах Колна и Стаура. К северу от Стаура дело покорения бриттов продолжалось третьим из тех племен, которые мы видели в их германском отечестве, народом, которому суждено было поглотить и ютов, и саксов и дать свое имя всей покоренной земле; то были англ, или англичане. Их первые высадки происходили в той области, которая отделяется от остальной Британии Уэшем, Фенсом и большими пространствами леса и которая впоследствии называлась Восточной Англией; здесь победители укрепились в местности под названием North Folk и South Folk — эти названия и теперь сохранились в находящихся в этой местности графствах. Этим и закончилась первая стадия покорения Британии, и к концу V в. весь берег ее от Уэша до саутгемптонских вод был в руках вторгшихся германских племен. Пока, однако, неприятель прошел недалеко внутрь страны, так как огромные леса и болота удерживали англо, саксов и ютов в узких границах по берегу моря. В начале VI в. два племени, одержавшие главные победы над бриттами, начали новые на них нападения: в устьях Форта и Гумбера появились англ, а в саутгемптонских водах — саксы.

Покорение Южной Британии было совершено новым отрядом саксов, известных в древние времена под именем гевиссов, а впоследствии называвшихся западными саксонцами. Они высадились к западу от полосы берега, завоеванной отрядами Аэлла, и двигались под предводительством Кердика и Кинрика от саутгемптонских вод до большой равнины, в которой находилась такая крупная приманка, как Винчестер. Пять тысяч бриттов пали в сражении, открывшем страну вторгшемуся новому врагу, а в 519 г. другая победа при Чарфорде увенчала голову Кердика западно-саксонской короной. Мы очень мало знаем подробностей об этих сражениях, нам неизвестны также и обстоятельства, внезапно затормозившие дальнейшее движение саксонцев; однако достоверно известно, что в 520 г. бритты одержали победу над западными саксонцами при Моунт-Бэдоне и тем на целых 30 лет задержали движение неприятеля. Вероятно, пояс лесов,

Часть 1

находившихся между Дорсетом и долиной Темзы, сильно затруднял наступление; так или иначе, но известно, что Кинрик, наследовавший после смерти Кердика саксонскую королевскую корону, продолжил дело вторжения лишь в 552 г. Взятие горной крепости Старого Сарума открыло нападающим Уилтширские равнины, откуда они двинулись к северу и, одержав новую победу при Барбэри-Хилле, окончательно завоевали равнины Мальборо. Из этой пустынной местности западные саксы повернули на восток — в богатые долины современного Беркшира и, выиграв сражение при Уимблдоне, присоединили весь нынешний Сэррей к своим владениям; поход их короля Кутвильфа сделал их вслед за тем властелинами области, состоящей из теперешних графств в Оксфордшире и Бекингемшире, а еще несколько лет спустя саксонцы ринулись на богатую добычу по реке Северну. Глостер, Сайсистер и Бат, города, объединившиеся под предводительством своих британских королей для сопротивления этому нашествию, сделались в 577 г. — после победы при Дургаме — добычей саксов, и линия великой западной реки лежала перед завоевателями открытой. При новом короле Кевлине западно-саксонцы проникли к границе Честера, и город Урикониум погиб в пламени. Британский поэт жалобно поет предсмертную песнь Урикониума, «белокаменного города, сверкавшего между зелеными лесами», города, хоромы начальника которого «остались без очага, без света, без песен», города, «мертвая тишина которого теперь разрушается лишь клекотом орла, напившегося крови из сердца прекрасного Киндейлена». Набег, однако, был отбит, и этот удар оказался роковым для власти Уэссекса: хотя в конце концов западные саксонцы и сделались властелинами над всеми народами Британии, но в это время час такой их власти еще не пробил, и в течение целого столетия верховенство оставалось в руках другого племени, к империи которого мы теперь и обратимся.

Реки служили естественными путями, по которым северные пираты пробирались к центру Европы. В Британии лондонская крепость преградила им доступ к устью Темзы и заставила их для достижения ее верховьев двигаться по южному берегу острова и по степям Уилтшира. Но реки, впадающие в Гумбер, вели, как большие дороги, в самое сердце Британии, и этими путями большая часть неприятелей и стала проникать внутрь острова. Новые враги, подобно завоевателям Восточной Англии, происходили от английского племени, жившего в Шлезвиге. Так как эта гроза настигла равнины Линкольншира, расположенные к югу от Гумбера, то и завоеватели, поселившиеся в опустошенной стране, стали называться Lindiswara, или жители Линдума. Часть воинов, вошедших в Гумбер, повернула к югу Элметрским лесом, покрывавшим всю местность вокруг Лидса, и направи-

Английские королевства (607–1013)

лась по течению Трента. По занятому ими месту между Трентом и Гумбером они стали известны как Southumgians (южноумбирийцы). Другая часть, следуя по Соару, достигла Лейстера и стала известна под именем среднеанглов (Middle-English). Истоки Трента были заселены отрядами, двинувшимися дальше к западу и расположившимися вокруг Личфильда и Рейтона. Впоследствии эта страна, сделавшаяся пограничной между англами и бриттами маркой, стала называться Мерсией, а ее жители-мерсийцами, т. е. людьми границы. Нам известно очень мало о покорении Средней Британии и немногим более о покорении севера. При владычестве Рима центром политического значения в Британии была обширная область, расположенная между Гумбером и Фортом. Йорк считался столицей острова и служил местопребыванием римского префекта, а военные силы были расположены вдоль римской стены. Тогда признаки богатства и благосостояния жителей повсюду бросались в глаза. Города вырастали под защитой римских легионов. Долина Узы и отдаленные плоскогорья Твида были усеяны богатыми усадьбами британских землевладельцев; повсюду пастухи безбоязненно пасли свои стада. Эта область подверглась теперь одновременному вторжению и с севера, и с юга. Часть неприятельских сил направилась через Гумбер в йоркские равнины и основала там королевство Дейра, растянувшееся по болотистой местности Хольдернесса и по меловым плоскогорьям к востоку от Йорка. Этим, однако, дело не кончилось, и жители нового королевства после борьбы, о которой мы ничего не знаем, вскоре превратили в пепел Йорк и предали огню и мечу всю местность по долине Узы. Тем временем пираты появились также в Фортсе и пробрались вдоль Твида. Прибывший с пятьюдесятью лодками Ида основал королевство Берниция, построил столицу на скале Бамборо и двинулся дальше, везде встречая упорное сопротивление, послужившее сюжетом для английских саг. Последовавшая вслед затем борьба между королевствами Дейра и Берниция за верховенство на севере окончилась их соединением под властью короля Берниции Этельрика, и из этого союза образовалось новое королевство Нортумбрия. Этими событиями Британия и была окончательно превращена в Англию.

Понятна жадность, с которой хватаемся мы за всякую возможность узнать что-либо о судьбе наших предков; но тщетно прислушивались бы мы с этой целью к монотонным жалобам Гильды, единственного писателя, оставленного нам британцами. Гильда был современником и очевидцем вторжения пиратских орд, ему мы обязаны нашими сведениями о завоевании Кента, но он решительно умалчивает обо всем, что касается образа жизни английских завоевателей. Вообще, обо всем, что делалось по ту сто-

Часть 1

рону границы новой Англии, выросшей вдоль южных берегов Британии, Гильда упоминает лишь мельком; по всей вероятности, он сам имел лишь слабое понятие о разрушенных укреплениях, об алтарях, оскверненных языческим нечестием. Его молчание и неведение очень характерны для борьбы того времени: ни одна британская голова ни разу не склонилась добровольно перед завоевателями, и не нашлось ни одного британского пера, которое дало бы описание покорения своего народа. Целое столетие спустя после вторжения англо-бритты все еще называли их не иначе как «варварами», «волками», «собаками», «щенками из конуры варваров», «племенем, ненавистным Богу и людям». Их победы казались британцам победами злых духов, карой божественного правосудия за какой-то всенародный грех. Их опустошения, как ни были они ужасны, рассматривались как явление преходящее, и британцы твердо верили в исполнение предсказания, гласившего, что в следующем веке власть пришельцев будет низвергнута. Не было речи не только о подчинении, но даже и о сношениях с пришельцами, и вот почему Гильда ни одним словом не упоминает ни об их судьбе, ни об их предводителях. Несмотря на это молчание, мы все же кое-что знаем об устройстве английского общества в завоеванной стране. Нельзя не остановить внимания на том факте, что завоеватели Британии представляли собой единственную чисто германскую народность, осевшую на развалинах Рима. В других странах — в Испании, Галлии, Италии, — хотя победители были также германцами, но религия, общественная жизнь, административное устройство — все оставалось по-прежнему римским; в Британии же Рим сделался каким-то смутным преданием о прошлом. Вся организация правительства и общества исчезла вместе с народом, которому она принадлежала. Мозаики и монеты, которые мы находим в недрах наших полей, принадлежали не нашим английским предкам, а римскому миру, стертому с острова их мечами. Законы этого исчезнувшего мира, его литература, обычаи, верования исчезли вместе с ним. Новая Англия была языческой страной, и культ Одина и Тора восторжествовал в ней над религией Христа. Из всех германских разрушителей Рима одни англосаксы отвергли религию низвергнутой империи. В других римских провинциях христианское духовенство служило посредником между варварами и побежденными, но в завоеванной англами части Британии христианство совершенно исчезло. Реки, усадьбы, границы, даже дни недели носили имена новых богов, сменивших Христа. Но если Англия и казалась вследствие всего этого пустыней, из которой исчезла всякая цивилизация, тем не менее эта страна таила в себе зародыши жизни несравненно более высокой, нежели та, которая была уничтожена. Основанием нового английского общества стал

Английские королевства (607–1013)

служить «свободный человек», тот, которого мы уже видели обрабатывающим землю, отправляющим правосудие и приносящим жертвы богам совершенно самостоятельно в его далеком отечестве у Северного моря. Как бы жестоко ни обошелся англ с материальной цивилизацией Британии, но он не мог быть лишь простым разрушителем. Едва успела прекратиться война, как воин превратился уже в пахаря, и дом свободного крестьянина появился около груды развалин сожженной им виллы. Маленькие группы родственников стали соединяться в *tin* и *ham* на берегах Темзы и Везера. Их связывали между собой не только узы крови, но и отношения к земле, владение ею на общинном начале. Образ жизни каждой небольшой сельской общины в Британии ничем не отличался от образа жизни их родичей в Шлезвиге. Каждая община имела свой холм или священное дерево — как место для народного веча, свою межу (марку) — как границу, чинила суд по свидетельству родственников обвиняемого и издавала законы в собрании всех свободных людей, а также избирала себе начальников и назначала лиц, которые должны были сопровождать начальника, или эльдормена, в сотенное собрание или на войну.

Впрочем, в некоторых отношениях примитивные формы английского быта изменились с переходом англов в землю бриттов. Завоевание породило королей. Вероятнее всего, что на родине англы совсем не знали королей, так как там каждое племя управлялось в мирное время своим старейшиной (эльдорменом). Но при такой войне, которую вели англы с бриттами, необходимость заставила их иметь общего предводителя, и такой предводитель занял вскоре положение более значительное, нежели положение временного начальника. Сыновья Генгеста сделались королями Кента, сыновья Аэлле — Сассекса, западные саксонцы избрали себе королем Кердика. Выбор короля крепче связывал между собой деревни и племена. Новые правители окружили себя дружинами «товарищей», или «тенгов», служба которых вознаграждалась особым пожалованием им участков из общественной земли. Социальное положение каждого из таких «товарищей» не было наследственным, но в конце концов именно из них образовалось дворянство, сменившее собой эрлов прежнего английского быта. Войны, породившие короля и дворянство, были причиной и возникновения рабства. У англов, как и у всех германских народов, всегда существовал класс несвободных людей, но численность этого класса, мало изменившаяся с покорением Британии, увеличилась вследствие междоусобных войн, начавшихся между самими завоевателями. Никакое общественное положение не избавляло военнопленного от рабства, на которое иногда смотрели даже с радостью, как на средство избавиться от смерти. Пример этого мы видим

Часть 1

в рассказе о благородном воине, раненном в битве, происшедшей между двумя английскими племенами, и приведенном в качестве раба в дом ближайшего начальника. Он назвал себя крестьянином, но его господин проник в его тайну. «Ты заслуживаешь смерти, — сказал он ему, — потому что все мои родные и брат пали в битве»; но ради какой-то своей клятвы он помиловал пленного и продал его одному фризу в Лондон, по всей вероятности, работорговцу из тех, которые возили тогда английских пленников на невольничий рынок в Риме. Не одна только война, но и преступления или неуплата долгов влекли за собой рабство. В дни бедствий голод заставлял людей надевать на себя ярмо ради хлеба. Должник, не бывший в состоянии уплатить своих долгов, бросал на землю свой меч и копье свободного человека, брал топор черноработного и отдавал себя головой хозяину. Преступник, родственники которого не уплачивали за него присужденную пеню, делался рабом обвинителя или короля. Иногда отец семейства, побуждаемый нуждой, продавал в рабство жену и детей. Раб составлял часть живого инвентаря имения, и хозяин завещал его после своей смерти, как лошадь или вола. Дети его тоже были рабами, и даже дети свободного человека от матери-рабыни наследовали положение матери. «Теленок от моей коровы принадлежит мне», — гласит английская пословица. Хижины несвободных располагались вокруг домов богатых землевладельцев точно так же, как около вилл римских вельмож. Пахари, пастухи коз, свиней, волов и коров, доильщицы, молотильщики, сеяльщики, сторожа сена и леса были также часто несвободными. Рабство это отличалось от рабства позднейших дней тем, что рабов редко били и заковывали в цепи, хотя господин и имел над рабом право жизни и смерти и раб считался простой движимостью. Для него не было места в суде; его родственник не имел права мстить за нанесенную ему обиду. Если посторонний убивал раба, то господин требовал вознаграждения; если раб совершал преступление, то подвергался наказанию кнутом; если он убегал, то его ловили, как беглое животное, и засекали до смерти; если убегала рабыня, то ее сжигали.

Глава III Королевство Нортумбрия (588—685)

Покорение большей части Британии стало совершившимся фактом. К востоку от линии, идущей приблизительно вдоль болот Нортумберленда и Йоркшира через Дербишир и Арденский лес к устью Северна и оттуда, минуя Мендин, к морю, остров перешел в руки англов, и с этого времени

Английские королевства (607–1013)

сам характер завоевания Британии совершенно изменился. Истребление и изгнание жителей, сопровождавшие прежние войны, окончились, и победители стали селиться между побежденными. Но еще более важные перемены произошли во взаимных отношениях самих победителей. По окончании войны с бриттами их активность направилась на долгую междоусобную борьбу за гегемонию того или другого племени, борьбу, из которой в конце концов выросло наше национальное единство. Западные саксы, осевшие в долине Северна, после кровопролитной битвы при Фаддили начали междоусобные распри даже раньше, чем окончилась война с бриттами. Борьба между Берницией и Дейрой — двумя соперничавшими королевствами на севере — очень ослабила англоv той местности, и это продолжалось до тех пор, пока в 588 г. значение Дейры как самостоятельного королевства до того упало, что король Берниции Этельрик присоединил его к своим владениям, составившим впоследствии королевство Нортумбрия. Среди этих смут на севере и юге внезапно возвысилось значение Кента, король которого Этельберт еще до 597 г. упрочил свою гегемонию над саксами Мидлэссекса и Эссекса и англами Восточной Англии и Мерсии, простиравшейся к северу до Гумбера и Трента.

Гегемония Этельберта ознаменовалась возобновлением сношений Британии с континентом Европы, прекратившихся со времени вторжения англоv. Его брак с Бертой, дочерью франкского короля Кариберта Парижского, создал новые связи между Kentом и Галлией, повлекшие за собой последствия, о которых и не мечтал сам Этельберт. Подобно всем своим франкским родственникам, Берта была уже христианкой, и потому она явилась в столицу Кента Кентербери в сопровождении христианского епископа, которому и была отдана для богослужения старая полуразрушенная церковь Св. Мартина. За это событие с жаром ухватился и восседавший тогда на римском престоле епископ Григорий Великий. Существует рассказ, что незадолго до того времени римский дьякон Григорий, проходя по площади Рима, увидел нескольких рабов с белым цветом кожи, красивыми лицами и золотистыми волосами и спросил, кто они такие. «Они англоv», — отвечал работоровец. Сожаление дьякона вылилось в поэтической форме: «Не англоv они, а ангелы; у них такие ангелоподобные лица; а как же называется их страна?» — «Дейра», — отвечал купец. «*Dei ira!* — непорочно играя словами, говорил дьякон. — Да, они отрешены от гнева Божия (*Dei ira*), и Христос зовет их своей милостью. А как имя их короля?» — «Элла», — отвечали ему.

«В земле Эллы будут петь аллилуйя!» — сказал дьякон и пошел, размышляя о том, как эти люди с ангелоподобными лицами будут петь в своей

Часть 1

стране аллилуйя. Этот дьякон и сделался со временем знаменитым папой Григорием. После осторожных переговоров с правителями Галлии он послал римского аббата Августина, в сопровождении многих монахов, проповедовать Евангелие английскому народу; миссионеры высадились на том самом месте, где за сто лет перед тем высадился Генгест, т. е. на острове Танете, и король принял их, сидя под открытым небом, в известковой долине, возвышающейся над Минстером, откуда и теперь еще видна кентерберийская башня. Выслушав через переводчика длинную проповедь Августина, Этельберт отвечал ему с чисто английским здравым смыслом: «Твои слова хороши, но они новы и не совсем понятны», а потому заявил, что он остается верен богам своих отцов, обещая, однако, вместе с тем защиту и покровительство иностранцам. Монахи вошли в Кентербери, неся впереди серебряное распятие и распевая хором духовные кантаты: «Отврати, Господи, от града сего гнев твой и ярость твою, отврати их от дома твоего святого, ибо мы согрешили». Затем раздалось древнееврейское восклицание, которое Григорий с пророческой проницательностью сочетал с именем йоркширского короля Эллы — аллилуйя!

Очень странно, что одно и то же место послужило пунктом высадки Генгеста и Августина, но вторая высадка в Эббсфлите была до некоторой степени отменой или переделкой первой. Прибытие «чужеземцев из Рима», так называли миссионеров, когда они встретились в первый раз с английским королем, шествие монахов под звуки торжественной литии — все это было как бы возвращением назад римских легионов, удалившихся из Британии при звуке труб Алариха. В проповеди Августина Этельберт слышал язык и мысли не только Григория, но и тех людей, которые были изгнаны и истреблены предками Этельберта, ютами. Кентербери, древнейшая столица новой Англии, сделался и центром римского влияния. Латинский язык опять стал одним из языков Британии, языком ее богослужения, ее сношений, ее литературы, а вместе со всем этим возобновились и прерванные высадкой Генгеста связи Англии с остальной Европой. Новая Англия заняла свое место среди европейских народов, и цивилизация вместе с искусством и литературой, исчезнувшими было перед мечом завоевателей, возвратилась в Британию вместе с христианской верой. Система римского права не могла, правда, никогда пустить глубоких корней в Англии, но влияние римских миссионеров сказалось уже в том обстоятельстве, что вскоре после их прибытия из английского обычного права стали составляться кодексы письменных законоположений.

Все эти великие результаты были достигнуты не сразу: целый год прошел прежде, чем Этельберт сделался христианином, и хотя после его обра-

Английские королевства (607–1013)

щения жители Кента целыми тысячами заявляли о своем желании креститься, но прошли еще годы, пока Этельберт осмелился предложить сделать то же признававшим его верховенство королям Эссекса и Восточной Англии. Эти усилия Этельберта были и его последним делом, так как они предшествовали революции, которая навеки сломила силу Кента. Племена Средней Британии восстали против его власти, которая перешла к правителю Восточной Англии Редвольду. Эта революция свидетельствовала о происшедшей в Британии перемене. Вместо множества отдельных племен завоеватели организовались теперь в три большие группы. Королевство англосаксов на севере простиралось от Гумбера до Форта; южное королевство вестсаксов тянулось от Уэтлинг-Стрит до Ла-Манша, а между ними находилось королевство Средняя Британия, границы которого были неопределенны, но которое тем не менее составляло отдельное целое в период времени от царствования Этельберта до окончательного падения мерсийских королей. В течение двух следующих столетий история Англии заключается в борьбе королевств Нортумбрийского, Мерсийского и Вест-Саксонского за гегемонию над всей остальной массой англичан и в стремлении создать из нее единый английский народ.

В этой борьбе Нортумбрия сразу приобрела такую силу, которая не допускала никакого соперничества. В правление Этельфрита, наследовавшего в 593 г. Этельрику, дело покорения других племен быстро продвинулось вперед, и после большого сражения при Дегзастане в 603 г. силы северных бриттов были настолько сломлены, что Нортумбрия распространила свое владычество от Гумбера до Форта. Вдоль западного берега Британии находились еще не покоренные королевства Стратклайд и Кумбрия, тянувшиеся от реки Клайда до реки Ди, и маленькие британские государства, занимавшие местность, которая ныне называется Уэльс. Границей между ними был Честер, который и стал для Этельфрита первым пунктом нападения. В монастыре Бангора, отстоявшем в нескольких милях от этого города, собрались две тысячи монахов, которые после трехдневного поста и молитвы последовали за британской армией на поле битвы. Этельфрит, глядя на дикие жесты и простертые к небу руки этой странной компании, принял их за волшебников. «Носят они оружие или нет, но они наши враги, раз они взывают к своему богу против нас», — сказал он своим войскам, и в последовавшей битве монахи пали первыми.

Теперь британские королевства были, безусловно, отделены одно от другого, так как победой при Деоргаме вестсаксонцы совершенно отрезали Девон и Корнваллис от остальных местностей, населенных бриттами, а победа Этельфрита при Честере разделила и эти местности на две части,

Часть 1

т. е. отделила бриттов Уэльса от бриттов Кумбрии и Стратклайда. С этого времени войны бриттов с англами сменились войнами Нортумбрии против Кумбрии и Стратклайда, Мерсии — против современного Уэльса, Уэссекса — против британской земли, простиравшейся от Мендина до Ландсенда. Честерская победа имела большое значение для всей Англии. Она возбудила в Этельфрите честолюбивые мечты по отношению к южной границе его королевства, где в то время король Восточной Англии Редвольд утвердил свое владычество над народами Средней Британии.

Внезапная смерть Этельфрита на время отсрочила неизбежную борьбу между Нортумбрией и Восточной Англией. Объявив войну Редвольду, приютившему у себя бежавшего из Нортумбрии Эдвина, Этельфрит погиб в битве при реке Айдль. Вступивший после него на трон Нортумбрии Эдвин правил королевством так же энергично, как и Этельфрит. Покорив пиктов и бриттов, он привел вслед затем к покорности англов Средней Британии и заключил тесный союз с Кентом, благодаря чему остались вполне независимы из английских завоевателей Британии одни лишь вест-саксонцы, да и то ненадолго, ибо анархия и внутренние распри скоро позволили завоевать Нортумбрии и это последнее независимое королевство. Существует записанный еще Бэдой рассказ, дающий некоторое понятие о ярости борьбы, завершившей завоевание Нортумбрией юга Британии: однажды Эдвин принимал на Пасху некоего Эймера, прибывшего послом от уэссекского короля. Во время аудиенции Эймер внезапно вскочил, выхватил из-под платья кинжал и бросился на нортумбрийского повелителя. Лилла, один из королевских воинов, успел заградить короля своим телом, но удар был настолько силен, что достиг Эдвина, даже пройдя через тело Лиллы. Король, однако, оправился от своей раны и пошел в поход на Уэссекс. Он перебил всех сопротивлявшихся его власти и победоносно вернулся в свою страну. Могущество Нортумбрии достигло теперь своего апогея, и Эдвин принялся за дело гражданского устройства своего государства — обстоятельство, показавшее, что время одних простых завоеваний уже миновало. Насколько успешно повел это дело Эдвин, показывает сложившаяся в это время поговорка: «При короле Эдвине женщина с ребенком могла пройти безопасно от края до края его королевства». Сообщение было, действительно, вполне безопасно; находившиеся по дороге источники были обозначены вехами, и у каждого из них находилась для удобства жаждущих путников медная кружка. Смутное предание о римском прошлом бросало свои последние лучи славы на эту новую «империю англов», и часть этого прошлого, без сомнения, возвратилась вместе с наступившим миром. Королевский штандарт из пурпура и золота развевался перед Эдвином, когда он объезжал

Английские королевства (607–1013)

свои владения, а копьё с султаном из перьев — римская tufa — всегда предшествовало его прогулкам по улицам. Повелитель Нортумбрии приобрел в Британии такую власть, какой не пользовался еще ни один английский король. К северу его государство простиралось от Форта и замыкалось городом, названным в честь короля — городом Эдвина — Эдинбургом. На западе он был властелином Честера, а сооруженный им флот подчинил ему острова Энглези и Мен. Все области к югу от Гумберта, кроме Кента, признавали также его суверенитет, да и сам Кент был тесно связан с Нортумбрией женитьбой Эдвина на сестре кентского короля.

Вместе с этой королевой прибыл из Кента в Нортумбрию Паулин, один из спутников Августина; согбенная фигура, орлиный нос и черные волосы, обрамлявшие худое и истомленное лицо прибывшего, были долго памятливы северянам. Вскоре королеве и Паулину удалось обратить Эдвина в христианство, и «мудрецы» Нортумбрии (Wise Men) стали часто собираться для совещаний о новой вере. Для более тонких умов прелесть христианства заключалась в том некотором свете, который оно бросало на тайну жизни, на мрак прошедшего и будущего: «Жизнь человеческая, о, король, — воскликнул один из эльдорменов, — подобна воробью, влетевшему в теплую залу, где ты сидишь у пылающего огня, в то время как на дворе идет дождь и бушует буря; воробей влетает в одну дверь, остается на миг в свете и тепле и затем, вылетая в другую, исчезает во мраке, из которого перед тем прилетел. Не точно ли также созерцаем мы всего лишь один миг и жизнь человека, но что предшествовало, что последует за ней, то нам неизвестно. Если новое учение откроет нам хоть что-нибудь об этом, то мы примем его». На большинство толпы, однако, всегда влияют более грубые аргументы. «Никто из твоего народа, Эдвин, не почитал богов усерднее меня, — проговорил, обращаясь к королю, жрец Койфи, — но существует много людей гораздо богаче и счастливее меня. Если бы эти боги имели какую-нибудь силу, то они помогали бы своим служителям» — и с этими словами Койфи вскочил на коня, ударил копьём в священный храм при Годмангеме и вместе со всеми остальными «мудрецами» принял веру своего короля.

Но вера Одина и Тора не могла исчезнуть совсем без борьбы. Со смертью Этельберта наступила реакция против христианства даже в самом Кенте. Король Восточной Англии Редвольд нашел удобным служить одновременно Христу и старым богам, и в его государстве христианские и языческие алтари стояли рядом в одном и том же храме. Молодые короли восточных саксов ворвались однажды в церковь, где епископ Лондонский Мелит причащал народ, с криками: «Дай нам белый хлеб, который давал нашему отцу Сабе», и когда епископ отказал, то изгнали его из государства. Реак-

Часть 1

ция приостановилась на некоторое время, вследствие принятия христианства Эдвином, но вдруг неожиданно на защиту старых богов выступила Мерсия. При Эвдине это королевство было подчинено супрематии Нортумбрии; но ее король Пенда увидел в возрождении старой религии средство снова завоевать себе независимость. Этот король весьма значительно усилил могущество Мерсии, подчинив своей власти Среднюю Англию до Лейстера, Южную Умбрию и Линдисвар и даже отняв у Уэссекса его владения по Северну; и хотя после смерти Пенды эти области опять отделились на некоторое время от мерсийского государства, тем не менее под именем Мерсии теперь уже понималась совокупность всех этих земель. Но даже с такими силами Пенде было опасно соперничать с Нортумбрией, и потому он решился, воспользовавшись прекращением борьбы между англами и бриттами, вступить в союз с валлийским королем Кадваллоном для совместных действий против Эвина.

Оба войска сошлись при Гетфильде, и в происшедшей здесь битве Эвин был разбит и убит. Смерть Эвина вызвала в Нортумбрии борьбу партий, которой и воспользовался Пенда в своих честолюбивых планах. Чтобы довершить завоевание Средней Британии, он, прежде всего, обратил свое оружие против Восточной Англии, которая тем временем от странной смеси религий, господствовавшей в ней при Редвольде, обратилась к совершенному язычеству; этот порядок вещей, однако, продержался недолго, и новая религия снова восторжествовала при короле Сигеберте. Испугавшись могущества Пенды, Сигеберт променял престол на монастырь, но при известии о нашествии неприятеля народ принудил своего короля покинуть келью, так как существовало убеждение, что присутствие Сигеберта принесет армии милость неба. Король-монах стал во главе своей армии, но отказался иметь в руках что-либо, кроме посоха, и пал на поле сражения; его смерть повлекла за собой бегство войска и подчинение государства Пенде. Между тем Кадваллон опустошал в это время Дейру и даже захватил Йорк; но это торжество бриттов было настолько же скоротечно, насколько и неожиданно. Освальд, второй сын Этельфрита, стал во главе своего народа, собрал небольшую армию нортумбрийцев и расположился с ней около Римской Стены. Вместо знамени король держал собственноручно большой крест, приказав солдатам рыть яму для его водружения. Потом, пав на колени, он взывал к своему войску, прося его молиться «Богу живому», и Кадваллон, последний герой бриттов, пал в битве на «небесном поле», как впоследствии назвали поле сражения у Римской Стены. В течение последовавших семи лет могущество Освальда равнялось могуществу Этельфрита и Эвина.

Английские королевства (607–1013)

В этой борьбе Освальда с язычниками за торжество Креста был решительно ни при чем миссионер Паулин, убежавший из Нортумбрии тотчас же после смерти Эдвина; да и сама римско-христианская церковь в Кенте впала, ввиду языческой реакции, в полное бездействие. Но тем энергичнее началась в это время деятельность миссионеров из Ирландии. Чтобы понять все значение этой перемены, необходимо припомнить, что до прибытия англов в Британию христианская церковь уже охватывала собой все европейские страны, исключая Германию, и простиралась на север до самой Ирландии. Завоевание Британии язычниками-англами внедрило языческие алтари в самое сердце христианского мира и разбило его на две неравные части: с одной находились подчиненные римской курии церкви Италии, Испании и Галлии, с другой — самостоятельная церковь Ирландии. Положение этих двух частей западного христианства было совершенно различно: сила христианства в Италии, Испании и Галлии расходовалась больше всего на борьбу за существование, тогда как оставшаяся в стороне от всяких нашествий Ирландия развила в себе, после обращения в христианство, такую энергию, какой никогда уже больше не проявляла. Христианство было принято там с энтузиазмом, и вслед за ним появились в Ирландии и своя литература, и свое искусство. Изгнанные из Европы науки и изучение Библии нашли себе убежище в знаменитых школах Дэрро и Арма, сделавшихся университетами западного мира. Новая христианская жизнь забила таким ключом, которому скоро стали тесны пределы одной Ирландии. Не прошло и полвека со смерти Патрика, первого миссионера Ирландии, как уже ирландские христиане ревностно бросились на борьбу с язычеством, так сильно еще коренившимся среди христианского мира. Они стали работать среди пиктов Шотландии и фризов северных морей. Ирландский миссионер Колумбан основал монастыри в Бургундии и Апенниннах, а кантон Санкт-Галлен носит и поныне имя другого ирландского миссионера, перед которым с воем исчезали за Констанцским озером духи лесов и вод. Некоторое время казалось, что течение всемирной истории изменится, что побежденная римлянами и германцами кельтская раса одерживает нравственную победу над своими завоевателями и что не латинское, а кельтское христианство возьмет в свои руки судьбы Западной церкви.

На каменистом и неплодородном острове против западного берега Шотландии ирландский выходец Колумба основал знаменитый монастырь Ионы. Там нашел убежище во дни своей юности Освальд, а вступив на престол Нортумбрии, он вызвал оттуда себе христианских миссионеров. Первый проповедник, явившийся по его зову, не имел успеха. Он возвратился в монастырь, где и заявил братии, что среди такого упрямого и варварского

народа, как нортумбрийцы, никакая пропаганда немислима: «Что же служит этому причиной, их ли упорство или твоя строгость, — заметил рассказчику один из братьев, Айдан, — разве ты забыл слово Божие, что надо давать сперва млеко, а уже потом и мясо?». Взоры всех присутствовавших обратились на говорящего, увидев в нем человека наиболее способного занять оставленное в Нортумбрии место миссионера, и по их общему настоянию Айдан отправился туда и учредил епископскую кафедру на острове Линдисфарне. Из основанного там же монастыря, благодаря которому и сам остров стал называться Святым Островом, проповедники рассеялись по языческим странам. Боизиль водил небольшую группу миссионеров даже в долину Твида, а сам Айдан ходил пешком по Берниции, проповедуя Евангелие поселянам. Христианская проповедь послужила прелюдией к новому политическому верховенству Нортумбрии, и святость Освальда не мешала ему думать о восстановлении своего королевства в прежних границах. Установив свой суверенитет над бриттами Стратклайда и подчинив себе Линдисвар, он решил вернуть себе господство над Уэссексом. Принятие и там новой веры служило признаком признания его верховенства. Один из проповедников, Бирин, проник в Уэссекс из Галлии, и вест-саксонский король принял крещение в присутствии Освальда и согласился на учреждение епископской кафедры в королевском городе Дорчестере на Темзе. Таким образом, Освальд стал управлять государством, по обширности не уступавшим владениям его предшественника; но в последующие времена воспоминание о его политическом могуществе как-то потонуло в воспоминаниях о его благочестии. Новый взгляд на королевскую власть стал сливаться с прежним понятием о воинской славе Этельфрита и мудром управлении Эдвина, но нравственное влияние короля, так сильно развившееся впоследствии при Альфреде, ведет свое начало от Освальда. Сам король служил нередко переводчиком при попытках миссионеров обращать в христианство его танов: «Вследствие привычки молиться и приносить благодарение небу руки короля всегда были сложены как бы для молитвы». Обедавая однажды с епископом Айданом, Освальд выслал одного из своих танов раздать народу милостыню, но возвратившийся тан доложил королю, что на улице стоит целая голодная толпа. Услышав это, король тотчас же приказал отнести бедным еще непечатые кушанья и отдать им, разбив на куски, и всю его серебряную посуду. «Да не состарится никогда рука сия!» — воскликнул Айдан, схватив руку короля и благословив его.

Несмотря на то что с принятием христианства в Уэссексе язычество сжималось со всех сторон в центральных округах Англии, оно тем не менее отчаянно боролось за свое существование. Душой этой борьбы явился Пен-

Английские королевства (607–1013)

да, все долгое царствование которого было сплошной войной против новой религии, хотя, в сущности, он боролся не столько против Креста, сколько против верховенства Нортумбрии. Полемика между обоими государствами стала Восточная Англия, для освобождения которой от власти Пенды Освальд выступил в 642 г. в поход, но в сражении, названном сражением при Мазерфельде, он был разбит и убит. Его тело было изрезано в куски, которые свирепый победитель приказал насадить на колья. Легенда гласит, что, когда все члены тела Освальда совершенно почернели и разложились, осталась нетронутой лишь «белая рука», которую некогда благословил Айдан. В течение нескольких лет после мазерфельдской победы Пенда стоял во главе Британии. Уэссекс признал его главенство так же, как признал раньше главенство Освальда, и его король, отрекшись от христианства, женился на сестре Пенды. Даже Дейра, по-видимому, преклонилась перед новым завоевателем, и лишь Берниция еще не уступала. Проникая из года в год все дальше и дальше на север, Пенда достиг даже построенного на скале неприступного города Бамборо. Отчаявшись взять город приступом, он начал разбирать стоявшие вокруг города избы и складывать их под стенами города, чтобы поджечь Бамборо. Когда подул благоприятный для такого плана ветер, Пенда исполнил свое намерение. «О, Господи! Взгляни, что делает злой Пенда», — воскликнул в своей маленькой келье на островке Фарне Айдан, увидев расстилающийся над городом дым. Нортумбрийская легенда гласит, что вслед за этим восклицанием ветер переменялся и погнал пламя на стан Пенды. Несмотря ни на какие преследования, христианство все более и более укоренялось, Берниция так и осталась верной Кресту, вест-саксонцы снова обратились к новой вере, наконец, и сын самого Пенды, которого он поставил правителем над Средней Англией, крестился и допустил к себе проповедников из Линдисфарна. Христианские миссионеры бесстрашно появились даже между мерсийцами, и Пенда не стал им препятствовать. Сам он так и остался до конца жизни язычником, но относился с глубоким презрением к тем, которые, «принимая новую веру, не исполняли ее предписаний». Однако большие пространства, которые обходили монахи в Нортумбрии, указали Пенде на возрастающее ее могущество, и старик воспрянул еще раз, чтобы нанести удар своему врагу. По смерти Освальда на престол был призван Освью, армия которого и встретилась с войском язычников в 655 г. при реке Винведе. Тщетно нортумбрийцы пытались избежать сражения предложением Пенде дорогих подарков. «Если язычники не принимают наших даров, — воскликнул Освью, — то отдадим их Тому, кто их примет», — и он поклялся посвятить Богу свою дочь и одарить двенадцать монастырей в своем государстве, если

Часть 1

Бог дарует ему победу. Произошла битва, и победа осталась на стороне Христа. Река, через которую пришлось бежать мерсийцам, разлилась от дождей и поглотила остатки языческой армии, сам Пенда был убит, и дело старых богов погребло навеки.

За страшной борьбой последовал некоторый период мира. Винведская победа привела Мерсию к полной покорности Освью, но в 659 г. всеобщее восстание снова свергло иго Нортумбрии. Новое освобождение Мерсии не повлекло, однако, за собой восстановления язычества, оно умерло вместе с Пендой. «Освободившись от нортумбрийцев, — повествует нам Бэда, — мерсийцы со своим королем стали служить истинному царю, Христу». Все три провинции Мерсии, т. е. древняя Мерсия, Средняя Англия и Линдисвар, составили вместе одну епархию под управлением Кеадды, епархию Св. Чэда, который считается основателем Личфильдской кафедры. Кеадда был монахом из Линдисфарна, столь простой и непритязательный по характеру, что все свои долгие миссионерские путешествия совершал не иначе как пешком до тех пор, пока архиепископ Теодор собственноручно не посадил его на коня. Христианская поэзия облекла легендой его последние часы: она рассказывала, как в маленькой келье, где лежал умирающий, слышались с неба нежные голоса, певшие чудные песни. Потом эта песнь снова отлетела на небо, откуда пришла. Это приходила с небес в сопровождении хора ангелов душа брата Кеадды, миссионера Кеадда, усладить последние минуты умирающего епископа.

Слава Кутберта почти затмила в Нортумбрии деятельность других миссионеров. Никто не даст нам такого ясного понятия о религиозной жизни той эпохи, как рассказ об этом апостоле Нижней Шотландии (Lowlands). Рассказ вводит нас в северную часть Нортумбрии, в долины Тевиота и Твида. Кутберт родился на юге Ламмермура и с восьмилетнего возраста жил в доме одной вдовы в деревеньке Ренголме. Крепкое телосложение и поэтическое настроение с детства отличали мальчика; даже в мелочах обыденной жизни обнаруживалось его призвание к великим делам. Путешественник в белой мантии, съехавший с горы и остановившийся, чтобы осмотреть случайно ушибленное колено мальчика, показался Кутберту ангелом. Пастушеская жизнь привела его в горы, славящиеся и теперь своими прекрасными пастбищами для овец, хотя чахлая зелень едва покрывает там песчаные скалы; здесь метеоры казались ему ангелами, уносящими в высь душу епископа Айдана, здесь созрела и его решимость сделаться монахом. Наконец, Кутберт направил свои стопы к группе бревенчатых изб, в которых монахи из Линдисфарна устроили миссионерский пункт — Мельрозу. Ныне это страна поэзии и романа. Чевеиот и Ламмермур, Эттрик и Тевиотдэль,

Английские королевства (607–1013)

Айрроу и Аннануотер полны звуками от старых баллад и песней менестрелей. Эти долины прекрасно обработаны, а дренаж и сила пара превратили поросшие осокой болота в луга и фермы. Но для того чтобы представить себе Нижнюю Шотландию в том виде, в каком она была в дни Кутберта, нужно отрешиться от картины этих лугов и ферм и вообразить себе группы жалких лачуг, разбросанных в обширной пустыне, по болотистым дорогам которой путники ехали не иначе как вооруженными, боязливо озираясь вокруг. Нортумбрийское крестьянство было в то время по большей части христианским лишь формально, приняв новую веру с тевтонским равнодушием и только уступая желаниям своих танов, как сами таны уступили желанию короля; поэтому в их среде рядом с христианским богослужением процветали и старые суеверия. Каждая болезнь, каждое несчастье заставляли их обращаться к помощи талисманов и амулетов, а если что-либо подобное случалось с жившими среди них христианскими проповедниками, то это служило доказательством гнева прежних богов. Однажды, когда плоты с материалами для постройки аббатства и находившимися на них рабочими-монахами были унесены из устья Тайна в море, стоявшие тут же на берегу крестьяне вместо помощи погибающим закричали: «Не молитесь за них, не жалейте тех, кто отнял у нас нашу прежнюю веру и не научил, что следует делать, чтобы держаться их новомодных обычаев». Пешком и верхом странствовал Кумберт среди этих людей, предпочитая те отдаленные деревушки, от которых других проповедников отпугивали бедность и грубость их жителей. Проходя из деревни в деревню, он не нуждался, подобно другим своим ирландским товарищам, в переводчиках, и трудолюбивые нортумбрийцы охотно слушали такого же, как и они, крестьянина, выучившегося их грубому наречию на берегах Твида. Его терпение, юмористический склад ума, ясность взгляда говорили так же явно в его пользу, как и его крепкое телосложение, вполне приспособленное к избранному им себе самому тяжелому образу жизни: «Ни один из верных служителей Бога не умирал еще с голоду, — восклицал он, когда ночь заставала его голодным в пустыне, — взгляните на орла, парящего над вашими головами. И он прокормит вас, если на то будет Божья воля». И действительно, один раз он утолил голод рыбой, оброненной к его ногам спугнутой птицей. Снежная буря пригнала однажды его лодку к берегу Файфа. «Снег засыпал дорогу по берегу, а буря заградила путь по морю», — сетовали тогда его товарищи. «Но путь к небу все-таки открыт», — возразил им на это Кутберт.

В то время, когда миссионеры работали таким образом среди нортумбрийского крестьянства, в Нортумбрии возникало множество новых мона-

стырей, братия которых не была связана суровыми правилами бенедиктинского устава, а собиралась обыкновенно вокруг какого-нибудь богатого и знатного человека, искавшего в глуши пустыни спасения души. Самой известной из таких обителей стал Стринешальский монастырь, воздвигнутый Гильдой, женщиной королевской крови, на вершине утесов Уитби, высившихся над Северным морем. Этот монастырь сделался школой священников и епископов, а советов самой Гильды часто добивались короли и знатные дворяне. Святой Джон Беверлейский был одним из ее учеников. Но особенную славу приобрел монастырь с того времени, как из уст одного из его послушников прозвучала впервые чисто английская песнь. Послушник Кедмон был уже пожилым человеком, но несмотря на то, он не имел никакого понятия о стихосложении и не обладал искусством составлять аллитеративные напыщенные фразы, которыми забавлялись его товарищи. «Поэтому, бывая иногда на вечеринках, где все соглашалось петь по очереди, Кедмон вставал и уходил, как только очередь доходила до него. Раз, поступив таким образом, Кедмон ушел в хлев, в котором он стерег ночью скот, как вдруг явился к нему Некто, который сказал ему: «Спой, Кедмон, песню Мне». — «Я не могу петь, и именно по этой причине я оставил пирешку и пришел сюда», — отвечал Кедмон. «Как хочешь, но ты должен Мне спеть», — снова сказал Тот, который с ним разговаривал. «Что же должен я петь?» — молвил Кедмон. «О сотворении мира», — отвечал Тот». Утром Кедмон пришел к Гильде и рассказал ей про свое видение. Аббатиса и братия тут же решили, что «особая милость Божия почиет над Кедмоном», перевели для него одно место из Священного Писания и просили переложить, если он может, это в стихи. На следующий день Кедмон передал Гильде превосходные стихи, и тогда аббатиса, уверившись окончательно в его божественном даре, просила его совсем покинуть мирские занятия и посвятить свою жизнь Богу. Кедмон согласился и по частям переложил в стихи всю Священную историю: «Он воспел сотворение мира и человека, историю Израиля, исход его из Египта и вступление в обетованную Землю, воплощение, страдание и воскресение Христа, ужасы Страшного суда, муки ада и радость рая».

Людям той эпохи этот внезапно обнаружившийся дар поэтического творчества, конечно, казался чем-то сверхъестественным: «Старались составлять религиозные поэмы и другие, но никто не мог соперничать с Кедмоном, потому что он воспринял это искусство не от людей, а от Бога». По внешней форме английская песнь мало двинулась вперед со времен Кедмона. Сборник поэм, связанных с именем Кедмона, дошел до нас в позднейшей западно-саксонской версии, и хотя критики до сих пор спорят об име-

Английские королевства (607–1013)

ни их творца и эпохе их появления, но они принадлежат, без сомнения, разным авторам. Стих этих поэм — кому бы они ни принадлежали, Кедмону или другим певцам, — сильный и прямой, производящий более впечатление силы, чем красоты, но он затемнен излишеством метафор и запутанными оборотами; вместе с тем это — краткое и страстное выражение кратких и страстных эмоций, очень напоминающее песни воинов. Образ за образом, мысль за мыслью являются в этих ранних поэмах ярко, резко и выразительно. Стихи падают, как удары меча в пылу битвы. Любовь к описанию красот природы и некоторая отличающая английские песни меланхоличность знакомы и этим ранним певцам. Но вера во Христа создала, как мы видели, новое поле для поэтического творчества. Легенды о небесном свете или рассказ Бэды «О воробье» указывают на ту сторону английского характера, которая была наиболее доступна христианскому воздействию, — на инстинктивное сознание беспредельности мира, тайны жизни и неудовлетворенность узкими границами познания, определяемыми наблюдением и опытом. Новый мир поэзии соединился со старым в так называемых эпических поэмах Кедмона. В этих поэмах смелость тевтонского воображения заходит в своей образности за пределы самой еврейской истории и вводит нас «в мрачный ад, без света, хотя и полный огня, освежаемый лишь на заре ледяным дыханием восточного ветра, с лежащими на полу этого ада связанными падшими ангелами». Энергичность германской расы и ее сознание индивидуальной силы превратили в английских песнях еврейского Искусителя в мятежного Сатану, восставшего против своих вассальных отношений к Богу. «Я не могу быть таким же Богом, как и Он, — восклицает Сатана среди своих мучений, — и мне кажется недостойным кланяться Ему ради какого-нибудь блага». В следующем возгласе падшего духа можно уже заметить патетическую нотку, которая занесена с севера и в нашу поэзию: «Для меня главное горе заключается в том, что Адам, созданный из праха, занимает мое место, живя в радости, тогда как я томлюсь в этой муке. О, как бы я желал только на один час иметь в своих руках власть, я бы с моей ратью... но я окован железными путами, и это подымает мою желчь!» С другой стороны, энтузиазм, возбуждаемый христианским Богом, вера в которого была куплена годами отчаянной борьбы, выражается в длинном роде звучных похвал и молений. Характеру этих поэтов настолько же были близки огонь и страсть еврейских песнопений, насколько события их времени имели сходство с постоянной борьбой и странствованиями, изображенными в Библии. «Волки затянули свою мрачную вечернюю песнь, и хищные птицы, с намокшими от росы перьями, каркали, жаждая сражения, над ратью фараона», — говорит германский поэт, и разве не

Часть 1

навеваны эти строки знакомым ему зрелищем воющих волков и парящих орлов, сопровождавших армию Пенды? И повсюду заметны величие, глубина и теплота, сообщенные германской расой религии Востока.

Но прежде чем раздалась песнь Кедмона, христианская церковь Нортумбрии разделилась на две части вследствие борьбы, конечный акт которой имел место в том самом Уитби, в котором жил поэт. Трудными победами Освальда и Освью английская церковь, казалось, присоединилась к ирландской: монахи Линдисферна и других вновь основанных монастырей стали руководствоваться традициями не Рима, а Ирландии, ссылаться на наставления не Григория, а Колумбы. Каковы бы ни были в это время притязания Кентерберийской кафедры на духовное верховенство над всей Англией, но на севере всецело господствовал авторитет аббата Ионы. С прибытием туда из Кента супруги Освью появилась и партия сторонников Рима, объединившаяся вокруг королевы, усилия которой в этом направлении были поддержаны двумя до фанатизма преданными Риму тенами. Вся жизнь Уилфрида Йорского прошла в ряде поездок из Англии в Рим и обратно в целях поддержания папского верховенства, и его усилия сопровождались рядом замечательных удач, сменявшихся столь же замечательными поражениями. Бенедикт Бископ стремился к той же цели, хотя более спокойно и рассудительно, привозя из-за моря священные книги и реликвии и заботясь о привлечении опытных зодчих и художников для построения храма и монастыря в Уирмуте, братия которого обязана была оказывать безусловное повиновение папскому престолу. В 652 г. оба тена в первый раз посетили имперский город, но вскоре оттуда возвратились и занялись энергичной проповедью против ирландских обрядов, приведшей к открытой борьбе между сторонниками и противниками Рима. Чтобы положить конец такой борьбе, Освью решился собрать в 664 г. большой собор в Уитби, который должен был решить вопрос о зависимости английской церкви. Спорные пункты не представляли первостепенной важности. Кольман, преемник Айдана на Святом Острове, настаивал на сохранении ирландской тонзуры и ирландской пасхалии, Уилфрид стоял за римские. Один из спорящих ссылался на авторитет Колумбы, другой — на авторитет св. Петра. «Ты признаешь, — вмешался, наконец, обращаясь к Кольману, король, — что Христос дал ключи от царства небесного Петру. Дал ли он такую же власть Колумбе?» Епископ принужден был отвечать отрицательно. «Так я лучше буду слушаться привратника неба, чтобы он не отвернулся от меня, когда я приду к нему, и чтобы не остались поэтому предомной двери неба запертыми». В этом смысле и состоялось постановление собора, после которого Кольман, в сопровождении всех ирландских и трид-

Английские королевства (607–1013)

цати английских братий, оставил кафедру Айдана и направился в Иону. Как ни были, по-видимому, маловажны пункты между обеими церквями, но вопрос о том, к какой из них будет принадлежать Нортумбрия, был весьма важен для последующих судеб Англии. Победы на соборе церковь Айдана — и дальнейшая церковная история Англии, вероятно, мало отличалась бы от церковной истории Ирландии. Лишенная той организаторской способности, которая составляла силу римской церкви, кельтская церковь приняла у себя дома, в Ирландии, систему клана как основу церковного управления. Племенные раздоры и церковные разногласия дошли до безнадёжной путаницы, и духовенство, лишённое всякого влияния на массы, только увеличивало беспорядки в стране. Сотни бродячих епископов, духовный авторитет наследственных глав кланов, религиозность, разобщённая с нравственностью, отсутствие широких и гуманизирующих влияний более обширного внешнего мира — вот картина ирландской церкви позднейших времен, и вот от какого хаоса была спасена Англия победой римской церкви на соборе в Уитби.

Внешние формы английской церкви явились результатом забот назначенного Римом тотчас же после победы в Уитби на кафедру в Кентерберии греческого монаха Феодора из Тарса. Для своей деятельности Феодор имел почву, уже подготовленную предыдущей историей английского народа. Континент Европы был завоеван или уже христианскими племенами (готы), или хотя и языческими, но быстро принявшими веру покорённых ими народов (франки). Этому-то единству религии победителей и побеждённых обязано своим сохранением все то, что осталось от римского мира. Церковь осталась повсюду неприкосновенной. Христианский епископ сделался защитником покорённых народов Италии и Галлии против готских и лангобардских завоевателей, посредником между германцами и их новыми подданными, заступником от варварского насилия и гнета. В глазах варваров он был, с другой стороны, олицетворением того, что заслуживало уважения в прошлом, живым хранилищем закона, литературы и искусства. Но в Британии вместе с народом погибло и христианское духовенство. Когда Феодор явился для организации английской церкви, память о бывшем когда-то здесь христианстве уже совершенно утратилась. Первые миссионеры Англии, чужестранцы в земле язычников, держались, естественно, двора королей, принимавших первыми христианство и тем подававших пример своим подданным. Вследствие этого английские епископы были сначала не более, как капелланами королей, и границы их епархий совпадали с границами государств приютивших их королей. Кентское королевство стало вместе с тем и Кентерберийской епархией, Нортумбрийское — Йорк-

ской. Поэтому же и память о когда-то существовавших государствах жива и теперь в названиях епархий. Кафедра Рочестерская представляла до последнего времени забытое королевство Западный Кент, а границы древнего королевства Мерсия можно восстановить, следя по карте за границами бывшего епископства Личфильдского. Первым делом Феодора, по прибытии в Англию, было приведение в порядок своих епархий, учреждение новых и объединение всех их вокруг одного центра — Кентерберии. Все связи английской церкви с ирландской он резко оборвал, и после удаления Кольмана и его монахов слава Линдисферна быстро померкла. Часто собиравшиеся на соборы новые прелаты признали авторитет своего примаса. За организацией епископий последовало в течение следующего столетия развитие системы приходов. Беспорядочная система прежних миссионерских пунктов и монастырей, откуда предпринимали свои путешествия по стране проповедники, подобно Айдану из Линдисферна или Кутберту из Мельроза, естественно, исчезла, когда вся страна стала христианской, и миссионеры превратились в оседлых священников. Подобно тому как капеллан короля сделался епископом, а королевство составило его епархию, так капеллан английского дворянина сделался священником, а имение дворянина — его приходом; источником доходов для духовенства стала потом десятина, т. е. приношение в пользу церкви одной десятой всех продуктов земли. В среде самой церкви дисциплина поддерживалась целым выработанным сводом о преступлениях и наказаниях, и коренной принцип тевтонского законодательства о возмездии проник и в представления об отношениях между Богом и человеческой душой.

Своей организационной работой, увеличением числа епархий, упорядочением внутреннего быта, сосредоточением их вокруг одного центра, национальными соборами и духовными канонами Феодор бессознательно творил и политическое дело. Старые разделения королевств и племен, разделения, явившиеся по большей части результатом случайностей завоевания, быстро исчезали. В эту эпоху небольшие королевства были уже, в сущности, поглощены тремя большими государствами, да и из этих трех Мерсия и Уэссекс временно признавали господство Нортумбрии, и таким образом, сказалось то стремление к национальному объединению, которое составило характерную черту последующей истории Англии. Этому стремлению, основывавшемуся до того исключительно на праве меча, политика Феодора дала иное, духовное, освящение. Единый престол единого Кентерберийского примаса приучил к мысли о едином троне светского главы в Йорке или впоследствии в Личфильде и Уинчестере. Правильная подчиненность священников епископам и епископов примасу послужила образ-

Английские королевства (607–1013)

цом и для гражданской организации государства. Но наибольшее значение имели созывавшиеся Феодором соборы, как первые наши национальные собрания для решения законодательных вопросов. Только через много лет «мудрецы» (уитаны) Уэссекса, Мерсии и Нортумбрии приучились сходиться на общие для всей Англии «уитенагемоты»; пример церковных синодов указал путь и нашим национальным парламентам, а канонические правила этих синодов прокладывали дорогу нашей национальной системе законодательства. Таким образом, стремление церкви к централизации шло рука об руку с общественным движением по пути национального объединения, но торжеству такого порядка вещей служила преградой борьба отдельных королевств за преобладание. Как мы уже говорили, Мерсия стряхнула с себя владычество Освью и избрала себе королем Вульфера, который оказался энергичным и деятельным правителем; мирное царствование Освью позволило ему восстановить над многими племенами то влияние, которое было утрачено после смерти Пенды. Владения Вульфера протянулись за Северн и включали нижнюю долину Уай. Его успехи превосходили даже успехи Пенды. После большой победы над вест-саксонцами он проник в самое сердце Уэссекса и тем открыл себе путь к Темзе. На востоке его верховенство признали Эссекс и Лондон, а на юге Вульфер распространил свое господство на Сэррей. Вскоре и Сассекс, быть может из боязни вест-саксонцев, отдался под покровительство Вульфера, и его король получил за это в подарок два крайних поселения ютов: остров Уайт и земли Меонуора вдоль саутгемптонских вод — поселения, вероятно, покоренные мерсийцами. Таким образом, политическое преобладание Мерсии, простиравшееся от Гёмбера до Ла-Манша, было важнейшим фактом в эпоху появления в Англии Феодора. И действительно, со смертью Освью в 670 г. всякие попытки Нортумбрии раздавить своих соперников в Центральной и Южной Британии были совершенно оставлены.

Рука об руку с военными успехами шел в Мерсии и промышленный прогресс. Леса на ее западной границе и болота восточного побережья были расчищены и осушены усилиями монастырских колоний — факт, свидетельствующий о влиянии христианства на народ в этой стране. Но язычество все-таки процветало в западных лесах, и, вероятно, демоны, заглушавшие в легенде о епископе Уорстерском Эгвине голос епископа стуком молотов, были поклонявшиеся Одину альчестерские рудокопы. Но невзирая на их молоты, проповедь Эгвина оставила после себя и там прочный след. Однажды епископ услышал, что выбравшийся на светлую прогалину из лесной чащи свинопас увидел женские фигуры (принадлежавшие, вероятно, «Трем Прекрасным Девам» древней германской мифологии), сидев-

Часть 1

шие вокруг куста и певшие неземные песни. Пылкое воображение епископа превратило немедленно этих дев в христианскую Богородицу, и на дотопе безмолвной просеке воздвиглось аббатство в честь Богородицы, а под сенью его возник и город Ившем, прославившийся впоследствии поражением при нем графа Симона Лестерского. Еще более дикой, чем западные леса, была болотистая страна, находившаяся на восточной окраине королевства, простиравшаяся от Holland, низин Линкольншира, до устья Узы и представлявшая собой пустынную местность, залитую водой и усеянную островками, окутанными туманами и населенными лишь стаями крикливых птиц. Здесь, благодаря щедрости короля Вульфера, возникло аббатство Мидсгемстед, позднее Питерборо. Здесь отшельник Ботульф основал маленькую обитель, из которой впоследствии вырос «город Ботульфа», или Бостон, а жена короля Эгфрида, преемника Освю на нортумбрийском престоле, леди Этельтрит, воздвигла аббатство Или. Здесь же юноша из мерсийского королевского дома Гутлак искал убежища от суеты мирской в пустынях Кроуланда и приобрел такую славу, что через два года после его кончины над его могилой уже было воздвигнуто величественное Кроуландское аббатство. При сооружении этого аббатства землю привозили в лодках, а постройки ставили на глубоко вбитых в болото дубовых сваях; на месте бывшей кельи отшельника появилась каменная церковь, и труд жившей в обители монастырской братии превратил окружающие топи в прекрасные луга.

В то время как Мерсия утверждала свое владычество в Средней Британии, Нортумбрия все еще пользовалась значительным могуществом. Наследовавший в 670 г. Освю Эгфрид не пытался восстановить свою власть над королевствами Южной Британии и был занят больше войнами с бриттами, чем со своими соотечественниками, англами. Прекратившаяся со времени битвы при Честере война между бриттами и англами загорелась снова лет за двадцать перед тем, вследствие движения вест-саксонцев на юго-запад. Не будучи в состоянии спасти от захватов Пенды местности по долине Северна и на Котсуольдских горах, король Уэссекса Сенил воспользовался моментом борьбы Пенды с Нортумбрией, чтобы вознаградить себя за счет своих соседей-уэльсцев. Победа при Брэдфорде на Авоне дала ему возможность захватить местность возле Мендипа, а победа на окраинах большого леса, покрывавшего Сомерсет, отдала в руки вест-саксонцев и источники Перрета. Вероятно, пример Уэссекса ободрил Эгфрида в намерении начать также нападения на бриттов, которых он прогнал из Южной Кумбрии, обратив в английские округ Карлайла, Ланкашир и местности озерной страны (Lake country). За успехами на юге последовали победы

Английские королевства (607–1013)

над скоттами за Клейдесдалем и пиктами, жившими за Фортотом, территория которых стала, вследствие того, считаться с этого времени нортумбрийской, а находившийся при Форте Аберкорнский монастырь епископ Тремуайн сделал центром новой епархии. В 675 г. на южные границы Нортумбрии напал Вульффер, но и здесь сильный и энергичный Эгфрид оказался для Мерсии иным врагом, чем вест-саксонцы или юты, и потерпевший поражение Вульффер был рад купить мир уступкой Нортумбрии Линдисуоры или Линкольншира. Большая часть местностей озерного округа была причислена к Линдлсфернской епархии, кафедру которой занял человек, уже раньше нам известный как апостол Нижней Шотландии. После многих лет работы в Мельрозе Кутберт переехал на Святой Остров и также энергично занялся проповедью в тамошних болотах, как делал это раньше на берегах Твида. Он оставался там и во время великого раскола, последовавшего за собором в Уитби, и сделался приором уменьшившейся монашеской братии, ведшей бесконечные споры, которые тщетно пытался прекратить Кутберт своим терпением и добродушием. Истомившись, наконец, этими бесплодными словесными турнирами, он ушел на маленький скалистый островок недалеко от крепости Иды — Бамборо, покрытый лишь водорослями и населенный только чайками и тюленями. На этом островке Кутберт выстроил из дерна и камней избушку, покрывши ее бревнами и соломой, но слава о его святой жизни достигла Эгфрида, который и пригласил его занять вакантную епископскую кафедру в Линдисферне. Он прибыл в Карлайл, уступленный епархии королем, в то время когда вся Нортумбрия ждала результатов нового похода Эгфрида на пиктов. Между тем могущество Нортумбрии было уже сильно подорвано. На юге Мерсия пыталась отомстить за поражение Вульффера. Его преемник Этельред снова захватил Линдисвор, и начатая им война окончилась только при посредстве архиепископа Феодора миром, отдавшим в руки Этельреда Среднюю Англию. Смуты на северной границе принудили Эгфрида идти к Форту. Предчувствие несчастья тяготело над Нортумбрией; оно поддерживалось и воспоминанием о проклятиях, которым предавали ирландские епископы короля за разорение его флотом ирландских берегов, что казалось святотатством для всех, кто любил отечество Айдана и Колумбы. Однажды, когда Кутберт стоял, склонившись над уцелевшим среди развалин Карлайла римским фонтаном, смущенным зрителям показалось, что его губы шепчут слова какого-то злого предвещения: «Может быть, — слышался им его шепот, — в этот самый час все опасности битвы кончились и дело сделано». Спрошенный на другой день о значении этих слов, Кутберт отвечал только: «Ждите и молитесь!». Еще через несколько дней единственный уцелевший

Часть 1

от страшного побоища солдат принес весть, что пикты при вступлении английской армии в Файф дрались отчаянно и что Эгфрид вместе с цветом своего дворянства лежит мертвым на далеком поле Нектансмира.

Это известие было смертельным ударом и для Кутберта: он вскоре оставил епископскую кафедру и удалился на свой остров, а еще через два месяца уже лежал на смертном одре, произнося тихим голосом слова мира и любви. Монахи поспешили дать знать посредством сигналов о его смерти: один из них побежал, держа в каждой руке по зажженному факелу, к месту, откуда свет мог быть замечен монахом, стоявшим на линдисфернской сторожевой башне. Когда огонек был там замечен и монах поспешно пошел с этим известием в церковь, случилось, что братия Святого Острова пела слова псалма: «Ты, показывая своему народу свет неба и т. д.». Это было похоронной песнью не только Кутберта, но и его церкви, и его народа. Чужестранцы, не знавшие ни Ионы, ни Колумбы, завладели наследием Айдана и Кутберта. Римское исповедание снова водворилось там, и народ забыл, что почти исчезнувшая теперь церковь некогда боролась с Римом за духовное главенство над западным христианством и что в течение долгой борьбы с язычеством новая религия имела своим центром не Кентербери, а Линдисферн. Но работа нортумбрийцев не пропала бесследно. Ее миссионерами и ее мечом Англия была отторгнута от языческого мира и обращена в христианство; ей обязана Англия и началом своей поэтической литературы. Но ее еще большая заслуга состоит в том, что именно она впервые объединила различные племена англов и в течение полувека приучала их к совместному образу жизни, т. е. подготавливала почву, из которой выросла и развилась современная Англия.

Глава IV Три королевства (865—828)

Верховенство Нортумбрии над английским народом пало навеки со смертью Освью, а поражение при Нектансмире и кончина Эгфрида сложили совершенно и ее владычество над северными племенами острова. На севере бегство епископа Тремуайна из Аберкорна возвестило о восстании пиктов против ее власти, в то время как на юге наследовавший в 675 г. Вульфферу Этельред сделал Мерсию ее опасной соперницей. Владения Мерсии, и без того простиравшиеся от Гёмбера до Ла-Манша, увеличились в первые же годы царствования Этельреда покорением Кента.

Всем мечтам о национальном единстве пришел, казалось, конец, так как возрождение в это время могущества западных саксов довершило разде-

Английские королевства (607–1013)

ление страны на три почти равносильных государства. Со времени поражения при Феддили, т. е. за сто лет перед этим, западные саксонцы были совершенно ослаблены анархией и гражданскими усобицами и находились одинаково во власти как английских государств, так и бриттов. Мы, однако, уже видели, что в 652 г. они настолько усилились, что были в состоянии оттеснить бриттов до Перрета. Еще несколько лет мира — и их король Сентуайн вступает в новую борьбу с бриттами и распространяет свои владения до Квентока, а в 685 г. король Сидуолла усиливается, наконец, настолько, что вступает в борьбу с англами и овладевает Сассексом. Величайший из саксонских вождей этой эпохи — король Ина проводит все свое почти сорокалетнее царствование в борьбе за верховенство. На востоке он подчиняет своей власти Кент, Эссекс и Лондон; на западе он продвигается вокруг Перретских болот к более плодородным местам юга, и на берегах Тоны возводит крепость для охранения границы своих новых завоеваний; из этого небольшого укрепления впоследствии вырос нынешний город Таунтон. Таким образом, западные саксы сделали повелителями всей той области, которая теперь называется Сомерсет и в которой, подобно острову, среди обширных, тянувшихся до самого Ла-Манша болот и топей поднимался Тор. У подошвы этой горы, на месте бывшего когда-то древнего храма бриттов, Ина основал знаменитый монастырь Глестонбери, названный так по имени семьи Глестингов, принимавших участие в выборе места для обители и долго живших здесь в маленькой одноименной деревушке; монастырь этот продолжительное время был религиозной святыней для бриттов, а легенда о пребывании в нем «второго Патрика» привлекала туда ирландских ученых. Первые обитатели монастыря нашли там, как они утверждали, древнюю церковь, «построенную нечеловеческим искусством». Тут же Ина заложил и свою собственную каменную церковь. Заботы о духовном благоустройстве завоеванной страны Ина возложил на своего родственника Эдгельма, самого известного ученого того времени, возведя его в сан епископа новой Шерборнской епархии, включавшей в себя Сельвудский и Фромский округа. Епархия эта должна была стать духовным центром вновь приобретенных Иной провинций. При Ине появился также и самый ранний свод западно-саксонских законов, указывающий, сколько забот для удовлетворения материальных и духовных потребностей своей страны принял на себя этот король. Поражение мерсийцев, попытавшихся напасть на Уэссекс, доказало и его умение защищать свои владения. Тридцатилетнее царствование Этельреда было эпохой почти непрерывного мира и периодом построения и обогащения монастырей, изменивших самый вид его королевства. В 709 г. королем Мерсии сделался Сельред, попытавшийся всту-

Часть 1

пить с Уэссексом в борьбу за верховенство на юге, но в 715 г. он был совершенно разбит в кровавом сражении при Уонборо. Ина умел держать в страхе мерсийцев, но даже и ему не удалось прекратить внутренние распри, раздиравшие Уэссекс. Существует легенда, повествующая о случае, внушившем Ине такое отвращение к миру, которое заставило его покинуть свет. Он царственно пировал в одном из своих деревенских замков, и когда на другой день выехал оттуда, то королева попросила его зачем-то вернуться назад; король вернулся и увидел такое зрелище: все занавеси были ободраны, сосуды унесены, пол усеян всякими отбросами и нечистотами, а на королевской постели, где он спал с Этельбур, лежала свинья с поросятами... «Смотри, государь, как скоротечна слава мира сего», — сказала при этом королева, но сцена и сама по себе едва ли нуждалась в подобном комментарии. В 726 г. Ина сложил с себя корону и стал искать душевного успокоения и смерти в путешествии в Рим.

Анархия, заставившая Ину отказаться от престола, разразилась после него с еще большей силой и сделала Уэссекс легкой добычей преемника Сельреда. Между теми, которые разделяли уединение Гутлака в Кроуленде, находился племянник Пенды Этельбальд, который принужден был бежать от неприязни Сельреда. Спасаясь от королевского преследования, Этельбальд проживал в хижине, построенной им возле дома отшельника и там в часы отчаяния находил утешение в его поучениях: «Сумей выждать, — говорил Гутлак, — и королевство само придет к тебе; ты приобретешь его не насилем, не жестокостью, но единственно милостью Божьей». В 716 г. Сельред впал во время трапезы во внезапное сумасшествие, и Мерсия избрала Этельбальда королем. В течение первых десяти лет своего царствования новый король избегал столкновений с уонбороским победителем, но после отречения Ины он вступил снова с Уэссексом в упорную борьбу за первенство на юге. Он проник в самое сердце вест-саксонского королевства и закончил войну в 733 г. лишь осадой и взятием столицы Уэссекса Сомертона; целых двадцать лет после этого верховенство Мерсии признавалось всеми бриттами к югу от Гёмблера, и Этельбальд фактически стоял во главе Мерсии, Восточной Англии, Кента и Уэссекса. С этими силами он двинулся на Уэльс, титулуя себя в это время королем не только мерсийцев, но и соседних народов, под общим названием «южные англичане». Но дело Этельбальда встретило на своем пути те же препятствия, какие встречали и стремления его предшественников: в течение двадцати лет он успешно подавлял непрерывные восстания своих новых подданных, но в 754 г. всеобщее возмущение принудило его напрячь все свои силы для подавления непокорных. Во главе своих мерсийцев, усиленных союзниками

Английские королевства (607–1013)

из Кента, Эссекса и Восточной Англии двинулся Этельбалд на Бёрфордское поле, где собрались вест-саксонцы под своим знаменем с изображением золотого дракона. Несколько часов продолжалась жестокая битва, как вдруг внезапный страх охватил короля Мерсии, он убежал с поля сражения, а вместе с этим исчезло и его верховенство над народами Средней Британии. Три года спустя после этого Этельбалд был однажды ночью настигнут и убит своими старейшинами. Во время последовавшей вслед за тем анархии Кент, Эссекс и Восточная Англия возвратили свою самостоятельность.

В то время как два южных королевства напрягали все свои силы в отчаянной борьбе, Нортумбрия стояла в стороне от завоевательных действий и преследовала лишь мирные цели. В царствования наследника Эгфрида Альдфрида Ученого и его четырех преемников это королевство сделалось в середине VIII в. литературным центром Западной Европы. Нигде не было таких знаменитых школ, как школы в Йарроу и Йорке. Вся тогдашняя наука, казалось, воплотилась в нортумбрийском ученом Бэде. «Бэда Достопочтенный», как называли его впоследствии, родился в 673 г., т. е. через девять лет после синода в Уитби, на том месте, где год спустя Бенедикт Бископ воздвиг при устье Уира аббатство; в сооруженной его учеником Сильфридом пристройке к этому аббатству и протекла вся долгая и спокойная жизнь Бэды. Он никогда не выезжал из Йарроу: «Я провел всю мою жизнь в одном монастыре, — говорил он, — старательно исполнял правила моего ордена и предписания церкви, и моим постоянным наслаждением были чтение, письмо и обучение других». Эти слова рисуют нам жизнь Бэды, и они тем трогательнее в своей простоте, что принадлежат первому великому английскому ученому. Спокойное величие жизни, посвященной знанию, и безмятежное наслаждение, испытываемое Бэдой в изучении, обучении других и литературной деятельности, послужили примером для последующих поколений. Очень молодым человеком Бэда сделался уже учителем, и в его йарроуской школе кроме шестисот монахов, его постоянных учеников, находилось еще множество жаждавших знаний и стекавшихся отовсюду чужестранцев. Теперь трудно даже себе представить, каким образом при таких трудах в школе и монастыре Бэда находил еще время для создания многочисленных литературных произведений, столь прославивших его имя на Западе. Материалы для изучения были собраны в Нортумбрии путешествиями Уилфрида и Бенедикта Бископа, а также в основанных в Уирмуте и Йорке библиотеках. Старая ирландская традиция была еще жива в Нортумбрии, и потому молодой ученый встал на путь изучения и толкования Священного Писания — занятие, которое преимущественно

Часть 1

и стяжало ему столь громкую известность. Греческий язык, весьма мало известный тогда на Западе, Бэда изучил в кентерберийской школе, основанной греческим архиепископом Феодором, а искусство церковного пения он заимствовал у одного римского певца, посланного папой Виталианом для сопровождения Бенедикта Бископа. Мало-помалу молодой ученик усвоил, таким образом, все знания своей эпохи и сделался, по справедливому выражению Бёрка, «отцом английской учености». Традиции древнеклассической культуры были воскрешены в Англии им первым в цитатах из Платона и Аристотеля, Сенеки и Цицерона, Лукреция и Овидия. Вергилий оказал на него такое же влияние, как впоследствии на Данте. Его повествования о судьбах мучеников прерываются стихами из «Энеиды», и ученик решается даже следовать по стопам великого учителя в небольшой эклоге, изображающей наступление весны. Бэда работал почти совершенно без помощи других: «Я сам свой собственный секретарь, — писал он, — я сам делаю все необходимые заметки, я сам и переписчик». Сорок пять сочинений, оставшихся после его смерти, свидетельствуют о его необыкновенном трудолюбии. По его собственному мнению и мнению его современников, важнейшими из этих трудов были поучения и толкования на Библию, извлеченные из творений отцов церкви. Но Бэда был далек от того, чтобы ограничиться одной теологией. В оставленных им трактатах для учеников излагаются все тогдашние сведения по астрономии, метеорологии, физике, музыке, философии, грамматике, риторике, арифметике и медицине. Такой энциклопедический характер его занятий не помешал ему в то же время оставаться чистейшим англичанином: он любил родную речь и родную песню; его последним трудом был перевод Евангелия от Иоанна на английский язык и почти последними звуками, слетевшими с его уст, были несколько английских стихов о смерти.

Благороднейшим свидетельством любви Бэды к Англии, обессмертившим его имя, была его «Церковная история английского народа», в которой он является первым английским историком. Все, что нам известно о полутора десятилетиях, протекших со времени прибытия Августина, известно только благодаря Бэде, а рассказы о том периоде, в который он сам жил и действовал, отличаются замечательной подробностью и вместе с тем художественностью. Так же точны и те его повествования, сведения для которых он заимствовал у своих кентских друзей Албина и Нотгелма; способностью историка-рассказчика Бэда обязан был лишь самому себе, но гораздо трогательнее всех его рассказов история его собственной смерти. В 735 г. за две недели до Пасхи Бэда настолько ослабел, что стал с трудом переводить дыхание; тем не менее он сохранил свою обычную веселость и

Английские королевства (607–1013)

благодущие и, несмотря на полную бессонницу, продолжал поучать собиравшихся вокруг него учеников. Время от времени учитель произносил английские стихи — топорные стихи о смерти, о ее суровой непреложности: «Пробил час, и человек смущается мыслью о своей доброй или злой будущей судьбе!..» Рыдания учеников сливались со звуками его песни. «Мы не могли слушать его без плача», — писал один из них. Так шло время до Вознесения. Учитель и ученики работали без отдыха, так как Бэда хотел непременно окончить свой перевод на английский язык Евангелия от Иоанна и некоторые извлечения из творений епископа Исидора. «Я не хочу, чтобы мои мальчики читали ложь или тратили время на бесцельную работу, когда меня не станет», — отвечал Бэда людям, советовавшим ему отдохнуть. За несколько дней до Вознесения его здоровье очень ухудшилось, но он все-таки целый день учил своих учеников и увещевал их не падать духом: «Учитесь как можно скорее, я не знаю, долго ли я еще проживу». Прошла еще одна бессонная ночь, и на другой день старец снова собрал вокруг себя учеников и просил их писать. «Одной главы еще не достаает, — сказал ему писец при наступлении утра, — а ведь тебе будет трудно диктовать дальше». — «Нет, мне легко, — отвечал Бэда, — бери перо и пиши скорее». День прошел среди плача и прощаний. «Еще немножко осталось, дорогой учитель», — сказал ему ученик. «Пиши же скорее!» — просил умирающий. «Конечно!» — объявил, наконец, маленький писец. «Правда, теперь все кончено», — отвечал Бэда. Лежа на полу, с лицом обращенным к тому месту, где он привык молиться, Бэда запел торжественно: «Слава Тебе, Господи, слава Тебе», и когда, поддерживаемый учениками, он окончил свой гимн, то тихо скончался.

Монах из Йарроу, первый английский ученый, первый английский теолог, первый английский историк, — может считаться, по всей справедливости, основателем английской литературы, а в качестве учителя собиравшихся вокруг него 600 учеников и отцом английского образования. Его трактаты по физике ставят его и в число первых наших естествоиспытателей. Наконец, Бэда был столько же ученым, сколько и государственным мужем: отправленное им в последние годы его жизни письмо к Эгберту Йоркскому указывает, как заботливо стремился он к подавлению возроставшей в Нортумбрии анархии. Но его план реформы явился слишком поздно, и такие люди, как король Эдберт и его брат, первый архиепископ Йоркский, Эгберт могли только на некоторое время оживить увядавшую славу Нортумбрии. Эдберт отразил нападение Этельвальда на юге, ведя в то же время успешную войну с пиктами. Десять лет спустя он проник в Эршир и заключил договор с пиктами, который помог ему завоевать в 756 г.

Часть 1

Стратклайд и даже взять его столицу Алклуйд, или Дембартон. Но в момент, когда торжество Эдберта казалось полным, в его армии появилась полная дезорганизация, и обрушившиеся на короля бедствия заставили его вскоре оставить скипетр и искать убежища вместе со своим братом в монастыре. С этого момента история Нортумбрии является лишь историей дикого произвола и кровопролития. Измена и мятеж губили одного короля за другим, поля были заброшены, страна попала в руки буйной знати и страдала от голода и чумы. Изолированное в продолжение пятидесяти лет господства анархии, это северное государство, казалось, едва входило в состав английского народа.

Дело объединения казалось, впрочем, и вообще безнадежным, так как сражение при Берфорде окончательно разделило Британию на три равносильных государства. Уэссекс так же крепко упрочился к югу от Темзы, как Нортумбрия к северу от Гумбера. К тому же поражение при Берфорде далеко не сломило сил Мерсии, а при короле Оффе (758–796), царствование которого вместе с царствованием Этельбальда занимает почти весь VIII в., могущество этого государства даже возросло до значения, неизвестного со времен Вульфера.

Целые годы прошли, однако, прежде чем Оффа попытался вернуть Кент, и только после трехлетней войны победа при Отфорде в 775 г. возвратила его снова Мерсии. Вместе с Кентом Оффа вернул, разумеется, также Сассекс, Сэррей, Эссекс и Лондон, а еще через четыре года победа при Бенсингтоне отдала ему во владение и все земли, составляющие ныне Оксфордское и Бекингемское графства. В течение следующих девяти лет Мерсия не делала дальнейших попыток к распространению своей власти на других своих соседей, но, подобно своим соперникам, обратила преимущественное внимание на Уэльс. Перебравшись в 779 г. за Северн, верхнее течение которого служило до того времени границей, отделявшей англов от бриттов, Оффа прогнал короля Пауиса из его столицы и переименовал ее в прежнее имя Пенгуирн на английское Шрусбери (Город кустов — Scrobsbyrig или Shrewsbury). Результатом этого вторжения было также возведение пограничного земляного вала, который тянулся от устья Уай до устья Ди; это сооружение было названо валом Оффы Offa's Dyke. Поселение англичан в стране между этим валом и Северном послужило военной границей Мерсии. Здесь, как и в позднейших завоеваниях нортумбрийцев и вест-саксонцев, прежняя система изгнания побежденных из их страны была изменена, и желавшие остаться на родине уэльсцы беспрепятственно жили среди своих завоевателей. Вероятно, с целью того же регулирования отношений между двумя народами, Оффа составил свод законов, носящий его имя. В Мер-

Английские королевства (607–1013)

сии, как и в Нортумбрии, нападения на бриттов указывали на падение мечты о верховенстве над самими англами. В царствование Оффы Мерсия была одинока, и даже та анархия, в которую впала Нортумбрия после смерти Эдберта, не соблазнила его перейти Гёмбер; не вывели его из бездействия в этом отношении и представлявшиеся случаи двинуться за Темзу. Вероятно, в годы, следовавшие за битвой при Берфорде, вест-саксонцы овладели ослабевшим государством Дивнентом, сохраняющим еще свое прежнее имя Девон, и отодвинули свои границы на запад к Тамару; но и этот успех был остановлен в 786 г. новым взрывом анархии. Борьба между соперниками, оспаривавшими один у другого трон, окончилась поражением наследника престола по линии Сивлина, Эдберта, и бегством его ко двору Оффы. Король Мерсии воспользовался, однако, его присутствием не столько для увеличения могущества своего государства, сколько для заключения еще более прочного мира, а выдав вскоре свою дочь за вест-саксонского короля Беортрика, Оффа и совсем выгнал своего гостя из Мерсии. Истинной целью Оффы во всем этом деле было прочное объединение всей Средней Британии и Кента, как ее «окна в Европу», под своей властью, и он ознаменовал свое стремление к полной церковной и политической независимости Мерсии учреждением в 787 г. архиепископства Личфильдского, которое должно было служить соперником Кентерберийской кафедре на юге и Йоркской на севере.

Планам Оффы не столько препятствовала боязнь силы вест-саксонцев, сколько становившееся опасным морское могущество франков, обстоятельство, на котором король Мерсии не мог не остановить самого серьезного внимания. До того времени интересы английского народа сосредоточивались в пределах завоеванной им Британии, но с этого момента политический горизонт внезапно расширился, и судьбы Англии оказались теснейшим образом связанными с судьбами всего западного христианства. Через посредство английских миссионеров Британия завязала первые сношения с франкским двором. Нортумбриец Уиллиброрд и знаменитый вест-саксонец Бонифаций, или Уинфрид, последовали за первыми проповедниками, работавшими среди германских язычников и особенно между теми, которые теперь сделались подданными франков. Связи франкского короля Пипина с английскими проповедниками привели его к постоянным сношениям с Англией; нортумбрийский ученый Алкуин был истинным центром литературного оживления при его дворе. Сын Пипина Карл, впоследствии известный под именем Карла Великого, проявлял тот же интерес к английским делам, и его дружба с Алкуином привела его к тесным сношениям со всей Северной Британией. У него же нашел убежище

Часть 1

и претендент на вест-саксонский престол Эгберт, проживавший там с 787 г., т. е. с того времени, как Оффа породнился с Беортриком. Впрочем, и с самим Оффой отношения Карла были самые дружеские, но мерсийский король тем не менее заботливо избегал случаев, которые могли бы быть истолкованы как признание им верховенства франков. Для таких опасений он имел серьезные основания: богатые дары, которые рассылал Карл английским и ирландским монастырям, указывали на стремление франкского владыки подчинить своему влиянию эти страны; сверх того, он поддерживал связи с Нортумбрией, Кентом, со всей английской церковью, оказывал гостеприимство при своем дворе изгнанникам из всех английских государств: королям Нортумбрии, тенам Восточной Англии, беглецам из самой Мерсии; в его свите, вероятно, находился Эгберт, когда ликующий народ вместе с духовенством провозгласил Карла римским императором. Когда же в 802 г. смерть Беортрика открыла изгнанникам дорогу к возвращению в Уэссекс, еще более тесные сношения с ними Карла прямо указали на его мечту возратить империи потерянную вместе с другими западными провинциями Британию, возратить теперь, когда Рим восстал из пепла в еще большем блеске, нежели когда бы то ни было ранее; при таких условиях революции внутри Англии как нельзя более содействовали его планам.

Годы, протекшие со времени бегства Эгберта, произвели мало перемен в положении Британии. За захватом Восточной Англии последовала в 796 г. смерть Оффы, а при его преемнике Сенвульфе мерсийское архиепископство было упразднено, а вместе с тем прекратились и всякие дальнейшие попытки к установлению верховенства центрального королевства. Сенвульф не предпринял ничего и тогда, когда на вест-саксонский престол возшел Эгберт; он даже поддерживал мир с новым правителем Уэссекса в течение всего своего царствования. Между тем Эгберт прежде всего направил свое оружие на уэльсцев, вторгся в самое сердце Корнуолла и после восьми лет упорной борьбы последние остатки самостоятельности британских народов на западе были окончательно сломлены. Как целый народ бритты перестали существовать после побед при Дёргеме и Честере; из отдельных британских народов, боровшихся с тремя английскими королевствами, бритты Кумбрии и Стратклайда еще раньше принуждены были подчиниться Нортумбрии, бритты Уэльса уплатой дани Оффе признали верховенство Мерсии, а теперь и последний еще не покоренный народ — западные уэльсцы склонились перед господством Уэссекса.

В то время как Уэссекс возвращал себе давно утраченное внешнее могущество, его соперник в Средней Британии все более и более погружался в самую беспомощную анархию. Непрерывные внутренние междоусобия в

Английские королевства (607–1013)

Мерсии, начавшиеся по смерти Сенвульфа в 821 г., так ослабили это королевство, что когда преемник Сенвульфа Беорнвульф возобновил борьбу с Уэссексом и проник в Уилтшир, то потерпел полное поражение в кровавой битве при Эллендэне. Вся Англия к югу от Темзы подчинилась Эгберту Уэссекскому, а Восточная Англия подняла отчаянное восстание, оказавшееся роковым для ее мерсийских правителей. Два короля Мерсии пали в Восточной Англии, и не успел вступить на престол третий, Уиглаф, как его истощенное королевство опять принуждено было вступить в борьбу с вест-саксонцами. Тут Эгберт увидел, что пробил час решительного нападения. В 828 г. его армия двинулась на север, не встречая препятствий; Уиглаф беспомощно отступал перед неприятелем, и вскоре Мерсия признала над собой верховенство Уэссекса. Из Мерсии Эгберт двинулся в Нортумбрию, которую полувековая анархия ослабила до такой степени, что морские разбойники безбоязненно разоряли ее берега; дело кончилось тем, что нортумбрийская знать вышла на встречу Эгберту и признала его государем. Замыслы, неудавшиеся Освью и Этельбальду, были, наконец, осуществлены, так как все английские народы в Британии оказались в первый раз связанными общим правлением. Как ни была еще продолжительна и жестока борьба за независимость в Мерсии и на севере, но с того момента как Нортумбрия подчинилась Уэссексу, хоть еще и без названия, сформировалась Англия.

Глава V Уэссекс и датчане (802–880)

Едва началось дело национального объединения, как кратковременное величие Уэссекса было низвергнуто датчанами. В продолжение всей той эпохи, когда в Британии происходила не только борьба, но и установление гражданского порядка, жители Скандинавии и островов Балтийского моря оставались совершенно чуждыми христианскому миру и боролись за существование лишь с суровым климатом, бесплодной почвой да морскими бурями. Набеги и морские грабежи пополняли их скудные средства к жизни, и вот в конце VIII в. эти разбойники выступили за пределы тесной области побережья северных вод. Не успел Эгберт подчинить своей власти всю Британию, как уже появились викинги, или «люди заливов», как называли тогда прибывших авантюристов, на берегах Англии и двинулись на юг к Темзе. С первого взгляда можно было подумать, что колесо истории повернулось на триста лет назад. Норвежские фьорды и фризские отмели

Содержание

Часть 1

Английские королевства (607–1013)

Глава I.	Британия и Англия	3
Глава II.	Английское завоевание (449–577)	9
Глава III.	Королевство Нортумбрия (588–685)	18
Глава IV.	Три королевства (865–828)	38
Глава V.	Уэссекс и датчане (802–880)	47
Глава VI.	Вест-Саксонское королевство (893–1013)	56

Часть 2

Англия под владычеством чужеземных королей (1013–1204)

Глава I.	Датские короли	67
Глава II.	Английская реставрация (1042–1066)	72
Глава III.	Нормандия и нормандцы (912–1066)	75
Глава IV.	Завоеватель (1042–1066)	78
Глава V.	Нормандское завоевание (1068–1071)	86
Глава VI.	Возрождение английской народности (1071–1127)	92
Глава VII.	Англия и Анжу (870–1154)	103
Глава VIII.	Генрих Второй (1154–1189)	109
Глава IX.	Падение анжуйцев (1189–1204)	117

Часть 3

Великая хартия (1204–1265)

Глава I.	Английская литература при нормандских и анжуйских королях	122
Глава II.	Иоанн (1204–1215)	127
Глава III.	Великая хартия (1215–1217)	133
Глава IV.	Университеты	137
Глава V.	Генрих III (1216–1257)	147
Глава VI.	Нищенствующие ордена	153
Глава VII.	«Война баронов» (1258–1265)	158

Часть 4

Три Эдуарда (1265–1360)

Глава I.	Завоевание Уэльса (1265–1284)	168
Глава II.	Английский парламент (1283–1295)	176
Глава III.	Завоевание Шотландии (1290–1305)	188
Глава IV.	Английские города	200
Глава V.	Король и бароны (1290–1327)	209
Глава VI.	Борьба Шотландии за независимость (1306–1342)	219

Часть 5

Столетняя война (1336–1431)

Глава I.	Эдуард Третий (1336–1360)	225
Глава II.	«Добрый парламент» (1360–1377)	240
Глава III.	Джон Уиклиф	244
Глава IV.	Крестыанское восстание (1377–1381)	253
Глава V.	Ричард II (1381–1399)	264
Глава VI.	Ланкастерский дом (1399–1422)	274
Глава VII.	Жанна д'Арк (1422–1451)	280

Часть 6
Новая монархия (1450–1471)

Глава I.	Войны Роз (1450–1471)	292
Глава II.	Новая монархия (1471–1509)	299
Глава III.	Гуманизм (1509–1520)	315
Глава IV.	Уолси (1515–1531)	332
Глава V.	Томас Кромвель (1530–1540)	344

Часть 7
Реформация

Глава I.	Протестанты (1540–1553)	363
Глава II.	Мученики (1553–1558)	374
Глава III.	Елизавета (1558–1560)	383
Глава IV.	Англия и Мария Стюарт (1560–1572)	397
Глава V.	Англия в эпоху Елизаветы	407
Глава VI.	Армада (1572–1588)	421
Глава VII.	Поэты века Елизаветы	437
Глава VIII.	Завоевание Ирландии (1588–1610)	458

Часть 8
Пуританская Англия

Глава I.	Пуритане (1583–1603)	476
Глава II.	Первый Стюарт (1604–1623)	490
Глава III.	Король и парламент (1623–1629)	511
Глава IV.	Новая Англия	523
Глава V.	Личное управление (1629–1640)	532
Глава VI.	Долгий парламент (1640–1644)	553
Глава VII.	Междоусобная война (июль 1642– август 1646)	565
Глава VIII.	Армия и парламент (1646–1649)	577
Глава IX.	Республика (1649–1653)	590
Глава X.	Падение пуританства (1653–1660)	600

Часть 9
Революция

Глава I.	Англия и Революция	625
Глава II.	Реставрация (1660–1667)	636
Глава III.	Карл II (1667–1673)	649
Глава IV.	Данби (1673–1678)	663
Глава V.	Шефтсбери (1679–1682)	673
Глава VI.	Вторая тирания Стюартов (1682–1688)	682
Глава VII.	Вильгельм Оранский	695
Глава VIII.	Великая коалиция (1689–1697)	707
Глава IX.	Мальборо (1698–1712)	725
Глава X.	Уолполь (1712–1742)	746

Часть 10
Новейшая Англия

Глава I.	Уильям Питт (1742–1762)	762
Глава II.	Независимость Америки (1761–1782)	785
Глава III.	Питт Младший (1783–1793)	817
Глава IV.	Война с Францией (1793–1815)	838
Эпилог		870
Генеалогические таблицы (В. Е. Климанов)		879
Именной указатель		885